SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф.Ф.Павленковым (1839-1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- А. С. Вязигин
  -
  - Введение
  - Глава I. Различные веяния
  - Глава II на пути к торжеству
  - Глава III. Решительный шаг
  - Глава IV. Цели и средства Григория VII
  - Глава V. Непродолжительный мир и первое столкновение
  - Глава VI. Вынужденное примирение и окончательный разрыв
  - Глава VII. Последние превратности
  - Заключение
  - Первоисточники и пособия
    - Источники
    - Важнейшие пособия
- notes
  - 1

А. С. Вязигин
Григорий VII
Его жизнь и общественная деятельность
Биографический очерк
С *портретом Григория VII, гравированным в Лейпциге Геданом*

Гильдебранд (Григорий VII)

Введение

Десятый век представляет собой одну из самых мрачных страниц истории человечества: дикая разнузданность, утонченный разврат, кровавые преступления, насилия и жестокости, повальное невежество были тогда явлениями заурядными. Мерило общественной нравственности, духовенство не отставало от мирян: пастыри гордились друг перед другом своими собаками, соколами, быстрыми скакунами, красивыми любовницами; думали только о вкусной еде, прекрасных винах и других житейских прелестях. Едва умея читать, но совершенно не понимая прочитанного, они нисколько не заботились о духовных нуждах прихожан, прямо развращали их своим пагубным примером, а наглым попранием брачных уз разрушали семейное счастье мирян и нередко имели детей от своих духовных дочерей; они водили воинов в бой, обагряли руки кровью, предавались игре в кости, охоте, пьянству и беспутству. Монахи не представляли исключения: они бродили по городам и селам, не придавая никакого значения своим обетам, собирали деньги; на них покупали вкусные напитки и продажных женщин: сладострастие, обжорство, пьянство и лень были их единственными добродетелями. Но верх безобразий творился в Риме: здесь одно время знатные, замечательно красивые, но неслыханно распутные женщины возводили на папский престол своих любовников, сыновей, прижитых в разврате, родственников, потакавших их не знавшему удержу разгулу. Один из таких пап, Иоанн XII (955 – 963), превратил Латеран в настоящий вертеп разврата; он завел целый гарем и не останавливался даже перед кровосмешением. Кощунство его не знало границ: он посвящал в епископы мальчиков и эти церковные обряды производил в лошадиных стойлах; во время попоек пил за здоровье дьявола; играя в кости, взывал о помощи к Юпитеру, Венере и другим языческим богам; любовницам дарил церковные сосуды; богомолок бесчестил у самой гробницы апостолов, храм которых ежеминутно грозил разрушиться, так как его не поправляли уже много лет; лиц, чем-либо вызвавших его неудовольствие, оскоплял или выкалывал им глаза. Охотился, дрался, поджигал, убивал, нарушал клятвы, но никогда не крестился и не посещал богослужений.

Но наряду с такими признаками разложения и упадка заметно было кое-где новое течение: общее поверье указывало на тысячный год как на предельную пору, когда неминуемо последует кончина мира. И вот в среде немногих благочестивых

людей зарождается стремление подготовить себя и других к “доброму ответу на страшном судилище христовом”. Там и сям появлялись обители со строгим уставом, раздавались вдохновенные проповеди против господства грубой силы и зла в мире. С течением времени эти обители приобрели столько последователей, что в их стенах окрепла мысль об общем преобразовании погрязшего в грехах человечества и возвращении церкви к ее первоначальной простоте и чистоте. Иноки клюнийского монастыря (основан в 910 году) стали во главе этого движения и выработали даже программу реформы; их монашеское миросозерцание отчетливо проявилось в ней в стремлении отделить церковь от мира: клюнийцы требовали введения запрета на браки духовенства и уничтожения симонии – в этих двух явлениях они усматривали корень зла, разъедавшего церковь и общество. В их глазах браки крепчайшими путами связывали духовенство с миром и оскорбляли, вместе с тем, религиозное чувство многих; по понятиям ревнителей благочестия, “пастырь должен стоять выше паствы, а живя в браке, он всенародно признается, что и его обуревают греховные страсти и желания; устами, на коих не остыли жгучие лобзания, он взывает к Богу, проповедует целомудрие и воздержание; руками, осквернеными сладострастным прикосновением к женским прелестям, совершает таинства, раздает благословения”. Строгие отшельники не могли примириться с подобным положением дел. Заклейменная же апостолами симония, то есть приобретение духовных санов за деньги, делала церковные должности достоянием лиц недостойных, стремившихся только к возврату затраченного да возможно скорой наживе.

Но для осуществления такого исполинского замысла, как коренное преобразование христианской Европы, сил одного монашеского братства, конечно, было недостаточно. Сознавая прекрасно свою слабость, оно обратилось за содействием к светской власти, главным образом к ее могущественному представителю, германскому королю, и молило его взять в свои мощные руки трудное дело преобразований, так как, по воззрениям той отдаленной поры, императоры считались верховными покровителями и защитниками церкви. Отдавая дань духу времени, Оттон Великий (936 – 973) откликнулся на зов, осудил и низложил (963) чудовище, позорившее мир под именем папы Иоанна XII, и возложил на свою главу корону Священной Римской империи. С этих пор дело церковных преобразований хотя медленно, но верно подвигалось вперед. Но стоило императорству, занятому борьбой с непокорными вассалами, на мгновенье упустить из виду Рим, как там опять повторялись

ужасные времена Иоанна XII. Поэтому в средневековом обществе к середине XI века назрело желание найти другой способ искоренения зла и быстрее провести преобразования. Новый исход был указан Гильдебрандом, или знаменитым папой Григорием VII, выдвинувшим на первый план идею бесконечного превосходства духовной власти над светской. Эта идея уже давно носилась в воздухе: как плод христианских воззрений на отношение между духом и плотью она складывается, более или менее определенно, уже в первые века христианства, развивается в сочинениях Златоуста, Амвросия, Августина, проводится в письмах пап Геласия, Николая I, Григория I, Сильвестра II и многих других. Но никто из них не пробовал сделать ее краеугольным камнем всего мирового порядка, всех земных отношений с такой неслыханной настойчивостью, как Григорий VII, посвятивший этому делу всю свою многотрудную и обильную превратностями жизнь.

Глава I. Различные веяния

Воспитание Гильдебранда; влияние клюнийских воззрений и преданий прошлого. – Участие в церковных смутах; германский плен и обаяние Генриха III. – Жизнь в Клюни и ее значение; возвращение в Рим и начало деятельности под руководством и надзором пап Льва IX и Виктора II

Густой туман грубой лжи и намеренных искажений скрывает от глаз потомства первые годы жизни Григория VII, так что сквозь завесу, сотканную слепой злобой и неумеренной преданностью, сквозят лишь немногие очертания; все остальное подернуто непроглядным мраком.

Так, с надлежащей точностью нет возможности установить даже год рождения гениального папы: на основании спорных данных и шатких догадок приходится искать его между 1013 – 1024 годами. Равным образом показания источников не сходятся в определении места его рождения, колеблясь между Римом и тосканским городком Соаной. Даже в вопросе об общественном положении его родителей существует изумительное разногласие: враги стараются как бы унизить Григория, считая его отца козопасом, а друзья, как бы возвышая своего героя, или дают ему в отцы плотника, наподобие св. Иосифа, или стараются доказать его родство со знатным графским родом, владевшим Соаной. Но незнатное происхождение не может повредить репутации человека, обязанного своим возвышением собственному гению, оно показывает только, что он сам добился того, что другим достается в силу случайности рождения, а потому усилия не в меру рьяных сторонников становятся излишними, так как не прибавляют ничего к венцу, украшающему голову великого мужа. Больше данных на стороне их противников, достоверность показаний которых подтверждается лицами близкими и расположенными к Григорию. Несомненно, что он происходил из низшего слоя тогдашнего общества и родился в Соанском округе, пограничном с Тосканой, в местечке Равоак, от поселянина Боницо; имя матери неизвестно. Ребенок получил при крещении имя Гильдебранда.

Со времени Карла Великого Соана принадлежала к церковной области и находилась в тесных сношениях с Римом. Немудрено поэтому, что родители, заметив в своем сыне зародыши великих дарований, решили дать ему воспитание в вечном городе, где к тому же имели родственников, занимавших довольно видные должности. Один из них – дядя по матери – был аббатом монастыря св. Марии, расположенного на склоне Авентинского

холма. К этому-то дяде и отправили для воспитания молодого Гильдебранда.

Монастырь св. Марии находился в теснейших связях со знаменитым Клюни и служил одним из важнейших очагов преобразовательного движения, являясь в то же время и рассадником просвещения. Само собой понятно, что оно носило своеобразный отпечаток и было направлено на развитие в молодых питомцах самообуздания, вражды к церковным нестроениям[1], стремления к созерцательной жизни и мистицизма. Все эти черты заметны и в характере Гильдебранда, но было бы величайшей ошибкой приписывать им преобладающее значение. В нем сказывались и чисто местные условия: итальянское происхождение читалось уже в смуглом цвете лица, выразительных глазах, но еще сильнее было заметно в душевных свойствах – восприимчивости, некоторой страстности и крайней набожности. От природы Гильдебранд имел склонность к широкой деятельности, и его живая, огненная натура не могла удовлетвориться замкнутым существованием в тесной монастырской келье.

Она звала его в широкий вольный мир, где кипела жизнь и борьба, где можно было приобрести и славу, и честь. Вдобавок различные веяния способствовали раннему пробуждению дремавших способностей и страстей: в той же самой обители получали образование дети многих римских вельмож, и с ними Гильдебранда связали близкие и дружественные отношения. Эта близость, конечно, еще сильнее подогревала честолюбие даровитого юноши. В том же смысле, правда, более ощутимо, воздействовало на Гильдебранда и другое обстоятельство: в аббатстве св. Марии Гильдебранд столкнулся с некоторыми лицами, воззрения которых глубоко запечатлелись в его восприимчивой душе, – с Иоанном Грацианом и Лаврентием, епископом Амальфи. Оба они насквозь проникнуты были клюнийскими идеалами и своим живым примером производили могущественное, неотразимое впечатление на молодого воспитанника. Особенно важно влияние Лаврентия. Он принадлежал к числу ученейших людей своего времени, знал в совершенстве латинский и греческий языки, обладал замечательным красноречием, был одним из ближайших друзей св. Одилона, аббата клюнийского, учился у знаменитого Герберта, известного папы Сильвестра II (999 – 1003), проникнутого глубочайшим уважением к древности, ревностного поборника величия Рима и папства, проповедника религиозной терпимости. Все свойства учителя передались и его ученику – епископу Амальфи. Рассказы этого бывалого и много

испытавшего человека о великом прошлом, о мировом значении вечного города поражали своим противоречием с жалкой действительностью: из окон своего монастыря Гильдебранд видел груды развалин – немое, но непреложное свидетельство блеска в минувшем и упадка в настоящем. Не менее глубоко западали в молодую душу воспоминания Лаврентия о кратковременном возвышении папства на миродержавную высоту, благодаря союзу с Оттонами, о пышности и величии, окружавших двор Оттона III (996 – 1002) и его воспитателя Сильвестра II, ставившего папство неизмеримо выше всех сил земных. Гильдебранд с жадностью слушал престарелого епископа, увлекался идеями прежнего республиканского времени, проникался стремлением к восстановлению упавшего значения пап, но ясный, практический ум предохранил его от страсти к рабскому подражанию отжившей древности. Терпимость Герберта и его ученика также не была чужда Гельдебранду: он не гнушался связей с евреями и впоследствии громко заявлял, что исповедует того же Бога, что и мусульмане, – мысль смелая для римского папы XI столетия. С другой стороны, он не обрушивался на греческую церковь с громами и проклятиями, не осуждал ее огульно, а признавал, что все различие сводится к вопросам внешним, обрядовым. Тот же свободный от вековой косности полет ума заставлял Гильдебранда сочувственно относиться к учению Беренгара о причастии, довольно близкому к взглядам современных нам протестантов.

Что же касается Иоанна Грациана, то он пользовался очень большим уважением в среде римлян за свое благочестие, набожность, рвение к церковным преобразованиям и устранению вопиющих злоупотреблений. Но в то же время Иоанн усвоил себе известное правило: “цель оправдывает средства”, и в этом отношении Гильдебранд был его усерднейшим учеником и последователем. Он еще в молодые свои годы понял, что с одними воздыханиями, обличениями да воззваниями к исправлению далеко не уйдешь, что необходимы более осязаемые, а потому и более действенные средства, что для достижения успеха надо ловить удобное мгновение и не брезговать ничем: главными двигателями всегда были меч и золото.

Но, щедро снабдив духовными дарами и опытными руководителями, судьба обделила Гильдебранда внешностью, и это, можно сказать, определило его дальнейшую участь: в то время человеку незнатному можно было выйти в люди либо путем военной известности, либо вступлением в духовное звание. Как выходец из народа, Гильдебранд не смел рассчитывать на блестящую удачу на мирском поприще, тем более что маленький

рост, плохое телосложение, неприглядная осанка закрывали для него военную дорогу, а потому оставался один исход – стать в ряды духовенства. Не без тяжелой внутренней борьбы сделал Гильдебранд этот решительный шаг, приняв пострижение с большой неохотой, как говаривал неоднократно своим близким и открыто указывал перед лицом всего мира. Этот поступок, доказывая полную способность к самообузданию, еще теснее сблизил его с прежними наставниками. Оказалось, что кружок, среди которого вращался Гильдебранд, вынашивал в монастырской тиши широкие замыслы, и теперь молодого монаха посвятили в них. В осуществлении этих мечтаний не последнее место занимало приобретение денег и войска, могущество которых прекрасно понимали все. Теперь они имели и то, и другое: Иоанн Грациан, к которому прибегали обыкновенно богомольцы, руководимые общим уважением к его святой жизни, и которому щедро оплачивали совершаемые им молебны, доставил деньги, Гильдебранд – войско: он нанял воинов и стал во главе их, скрывая рясу под великолепным вооружением.

Вскоре обнаружилось, как обширны и основательны были замыслы кружка. В то время на папском престоле сидел вступивший на него десятилетним мальчиком Бенедикт IX (1033 – 1046). Уже в такие молодые годы он запятнал себя всевозможными пороками, гнуснейшими убийствами, отвратительным сладострастием. Опять латеранский дворец превратился в притон дикого разгула, беспутства и разврата. Не довольствуясь доходами наместника апостолов, Бенедикт для пополнения своего кошелька не гнушался открытым разбоем: с шайкой буйных сорванцов из римской молодежи он грабил на больших дорогах богомольцев, шедших со всех концов Европы на поклонение святыням вечного города. Правда, безумства и насилия вооружили против Бенедикта часть римлян, избравших было нового папу, но Бенедикт смирил соперника, выгнал его из Рима и продолжал вести прежнюю распутную жизнь. Считая, что ему все позволено, он задумал даже жениться на прелестной дочери одного римского барона, но встретил отпор со стороны отца своей возлюбленной, который потребовал предварительного отречения от сана римского первосвященника. Бешеная страсть не вполне ослепила Бенедикта: он не хотел, оставив тиару, оказаться с пустыми руками, а потому решился на неслыханную сделку – продать папский престол с молотка. Покупатели нашлись, и победа осталась за приятелем Гильдебранда, Грацианом, принявшим имя Григория VI. Новый папа назначил Гильдебранда своим капелланом и с его помощью попробовал приступить к преобразованиям. Клюнийцы торжествовали, видя

человека своей партии во главе христианской церкви. Но торжество это было неполно и кратковременно: Бенедикт, получив 1500 фунтов серебра и удержав за собой доходы, получаемые папой с Англии, вскоре раскаялся в своем опрометчивом поступке и захотел вернуть все, так как его сватовство потерпело решительную неудачу: несмотря на все усилия и принесенные жертвы, прельстившая его сердце красавица досталась другому, более счастливому соискателю. Тогда отверженный жених снова провозгласил себя папой и без особенных усилий нашел себе приверженцев, поскольку принадлежал к влиятельному римскому дворянству. Таким образом, на престоле св. Петра одновременно восседали три наместника и, к величайшему соблазну верующих, обменивались громоносными посланиями, где смешивали с грязью соперников, возводя на них всевозможные обвинения. Чаша терпения даже римлян, столь привыкших к безобразиям пап, переполнилась, и многие из них готовы были на все, чтоб прекратить неслыханный дотоле скандал. Но собственными силами они не могли помочь горю; взоры их невольно обратились за Альпы, в Германию, где королевский престол занимал Генрих III (1039 – 1056), могущественный властелин, пред которым дрожали и преклонялись враги, воспитанник клюнийцев, уже давно мечтавший о совершении в церкви необходимых преобразований. Неудивительно, что римляне обратились к нему за помощью, а он изъявил полнейшую готовность положить конец позорному соблазну. С громадным войском вступил Генрих в Италию. Никто и не думал о сопротивлении: города с восторгом встречали своего государя; сторонники пап засели по крепким замкам и с тревогой взирали на грозное будущее. Но немецкий король оказался умеренным реформатором: он добился только низложения пап на Сутрийском соборе (1046) и принял предложенный признательными римлянами сан патриция, дававший ему наследственное право назначать Апостольских преемников. Новый папа, родом немец, Климент II (1046 – 1047) короновал Генриха императорской короной. Таким образом, раскол прекратился благодаря вмешательству светской власти. Однако никто не мог поручиться, что Рим останется спокойным после удаления императора; больше всего опасений вызывал низложенный Григорий VI и его кружок, имевший свою казну и войско. Генрих, как глубокий и тонкий знаток людей, разгадал в маленьком и невзрачном монахе Гильдебранде великую душу, проницательный ум, громадное властолюбие и железную волю. Эти качества делали опасным для императора дальнейшее пребывание Гильдебранда в вечном городе, и Генрих взял его с

собой вместе с низложенным другом. Раз обратив на себя внимание императора и его супруги, Гильдебранд завоевал их расположение и всегда вспоминал о них с величайшей признательностью. Да и было за что: германский двор в ту пору являлся средоточием Европы; здесь решались все вопросы времени; отсюда веское слово императора вершило суд над государями, а мощная длань смиряла дерзких и непокорных. Одним словом, здесь жила и до некоторой степени воплощалась столь свойственная средним векам идея всесветной державы, осуществлению которой Генрих III посвятил себя и свои силы. Пребывание при таком дворе было великолепной школой, своего рода университетом для всякого государственного человека, тем более для гениального Гильдебранда: сложный государственный механизм открылся пытливому оку наблюдательного пленника; здесь он научился трудному искусству властвовать и повелевать людьми, выбирать лучших помощников, скорые пути и удобные средства для владычества над миром; здесь должно было окрепнуть в его душе стремление возродить мировое значение вечного города и папства, ибо своим зорким глазом он разглядел все темные и светлые стороны императорства, его силу, его слабые места, основы могущества, и пришел к убеждению, что величавое здание, над созиданием которого трудился Генрих, было построено на песке, так как при тогдашнем положении дел только мирообъемлющее господство церкви не вызвало бы противодействия, потому что более отвечало духу времени.

Пополняя пробелы в знаниях, необходимых для общественного деятеля, Гильдебранд не пренебрегал и другими занятиями: он сам впоследствии писал, что в Кельне “был воспитан в строгой дисциплине”, то есть расширил свои познания в области светских и духовных наук. Справедливости ради нужно, однако, сознаться, что эти познания не отличались особенной глубиной и Григорий VII всегда был плохим ученым и богословом.

Пребывание при императорском дворе длилось недолго: Григорий VI вскоре умер (около 1048 года), а Гильдебранда охватила мучительная тоска по родине, скорбь по утраченному другу и сознание, что при жизни Генриха III нечего и думать о проведении в жизнь своих мечтаний. В тесной монастырской келье хотел он похоронить свои надежды и упования и загладить пред небом прегрешения, содеянные для их осуществления. С этой целью он выпросил у императора позволение отправиться в Клюни. Здесь благодаря беседам с благочестивыми старцами в душе Гильдебранда взошли семена отречения, презрения к миру и его соблазнам, сознания тщеты его радостей, созрело намеренье

посвятить свои дни аскетическим упражнениям и созерцательной жизни. Так прошло сколько-то времени. Но внутренний голос шептал Гильдебранду, что он хоронит силы, предназначенные для великой цели, для борьбы и победы над царившим в мире злом. Что пользы, думал он в бессонные ночи, спастись одному, когда кругом все созидают себе своими заблуждениями вечную гибель. Лучше одному погибнуть, но спасти всех, всюду победить грехи и страсти и тем самым водворить на земле обетованное царство Божье. Учение о непротивлении злу претило всему душевному складу Гильдебранда, которого пожирала жажда деятельности на общую пользу. А тут еще – обусловленные нервной, не в меру впечатлительной природой и слабостью тела, изнуренного подвижническими упражнениями, – чудесные знамения указывали на него как на небесного избранника: по единогласному свидетельству друзей и врагов, искры сыпались по временам из его одежды, огненное сияние окружало голову, вещие сны сулили господство над миром; сам апостол Петр неоднократно являлся ему и предрекал необычайное торжество, неслыханный успех. Друзья и сторонники верили в святость и божественное происхождение этих предзнаменований и высоко ставили Гильдебранда как человека, на котором явно почиет благодать Божья. Зато враги объясняли все чудеса магией, знакомством с нечистыми духами, унаследованным от Герберта, – обвинение, тяготевшее над всеми лучшими и свободными умами средних веков.

Но, помимо развития в Гильдебранде мистицизма, пребывание в Клюни имело для него большое значение и в другом отношении. В то время монастыри с клюнийским уставом раскинулись сетью по всему Западу, и все признавали клюнийского аббата своим главой; самая строгая дисциплина царила в этих монастырях, и приказания верховного начальника исполнялись беспрекословно и точно. Тут Гильдебранд воочию должен был убедиться, что не одна грубая сила и деньги владычествуют над миром, что нравственные силы играют громадную роль в деле приобретения власти над людьми: тот, кто господствует над душой, сильнее властвующего над телом. Вот неизбежный вывод, к которому должен был прийти Гильдебранд, сравнивая мощь Генриха III, против которого нередко восставали непокорные вассалы, и менее заметную, но более прочную власть смиренного аббата, которому безусловно повиновались. Поэтому для господства над миром нужно нравственное право, основа которого – религиозное чувство. Гильдебранд осознал это, когда понял, что только вера давала в руки аббата такую беспредельную власть. Если же основой истинного и прочного могущества могла

быть только религия и нравственное превосходство, то пока церковь не стала на недосягаемую нравственную высоту, она и не могла быть средоточием мира. Наиболее, как известно, роняли церковь в глазах ревнителей реформы брачные отношения духовенства и симония. Гильдебранд, однако, не с одной только узкомонашеской точки зрения смотрел на эти нестроения. Благодаря своему обширному кругозору, он отлично понимал, что проведение безбрачия сделает духовенство менее зависимым от мирян и обратит в покорное орудие святой церкви: цепь, приковывающая священнослужителя к миру, разорвется, так как у него не будет ни родных, ни детей, для которых столь часто вступают в сделки с совестью. Гильдебранд совершенно оправдывал собственным примером подобное воззрение: никогда, ни в одном из своих писем он не вспоминает об отце, матери и родных, как будто их совсем не существовало на белом свете; отцом он называет апостола Петра, матерью – святую римскую церковь. Таких же крайних взглядов придерживался Гильдебранд и относительно симонии. Завзятые клюнийцы подводили под понятие симонии всякое вмешательство светской власти в дела церковные и требовали устранения ее (светской власти) от какого бы то ни было участия в заведовании церковными владениями и санами. Гильдебранд стал на ту же точку зрения. Таковы были отвлеченные выводы, к которым привело Гильдебранда его пребывание в Клюни. Недоставало только живого примера, которым можно было бы проверить точность этих заключений, но и такой пример не заставил себя ждать. Дело в том, что порядок царил в Риме только во время пребывания там могущественного императора; как только он перешел Альпы, в вечном городе начались волнения, один за другим умирали папы, назначаемые Генрихом. Ходили слухи, что Бенедикт ядом устранял своих преемников. Наконец никто не хотел ехать на верную смерть, и немецкие епископы отклоняли от себя опасную честь, несмотря на усиленные просьбы, даже приказания императора. Только после долгих упрашиваний и продолжительных увещеваний его родственник, епископ Тульский Бруно, принял папский сан, но поставил два условия: во-первых, чтобы назначение Генриха было, сообразно канонам, одобрено римским клиром и народом, во-вторых, чтобы ему в спутники был дан Гильдебранд, с которым он не раз сталкивался при дворе и чьи блестящие способности успел оценить. Генрих III согласился исполнить желание Бруно, но Гильдебранд долго не хотел и слышать о возвращении в мир и только вследствие приказания аббата покинул Клюни и последовал за вновь назначенным папой. В одеждах кающихся, во власяницах, с босыми ногами и посыпанными пеплом головами

совершали они свой путь и вступили в Рим под восторженные крики населения. Такой необычный наряд сильно польстил гордости римлян и глубоко поразил их сердца: они немедленно провозгласили Бруно папой под именем Льва IX (1048 – 1054).

С этой поры возрождение папства стало на твердую почву.

Новый первосвященник, сторонник клюнийских взглядов, со строгой последовательностью стал проводить в жизнь церковные преобразования: на целом ряде соборов издавались и повторялись постановления против симонии и браков духовенства. Но в то же время Лев старался поднять авторитет папства, выступая защитником притесненных; он постоянно разъезжал с этой целью по Европе, порвал всякие сношения с византийской церковью, полагая, что она без достаточного уважения относится к римской, и всячески отстаивал верховные права папства на юг Италии, где жители изнывали под железным игом норманнов, не щадивших даже церковных владений для удовлетворения своей алчности. Увещевания, пастырские послания, даже отлучения не помогали; оставалось силой меча прекратить грабежи и насилия; просьбы о помощи, обращенные к императору, оставались гласом вопиющего в пустыне: поглощенный германскими осложнениями Генрих дал было Льву довольно значительное войско, но затем, по совету епископа Гебгарда, отозвал его обратно. Тогда папа решился собственными средствами расправиться с норманнами. Раздался боевой клич римского первосвященника, и толпы итальянцев вместе с небольшим количеством немцев стали под его знамена. Произошла роковая битва при Чивителле, и сам папа попал в плен. Правда, на бранном поле норманны преклонили колена пред Львом и умоляли о прощении, но не уступили ни пяди из захваченных земель. Вскоре, глубоко потрясенный неудачей, Лев скончался. Его нравственное влияние на современников было чрезвычайно велико, тем не менее духовное оружие оказалось недостаточно мощным даже в руках такого мягкого и кроткого человека, каким был покойный папа: зло настолько проникло в жизнь, что могло с успехом выдержать борьбу, направленную на его искоренение; грубая сила преклонялась перед нравственной мощью, но не уступала своих позиций. Печальная участь Льва послужила для Гильдебранда поучительным примером: Гильдебранд понял, что для торжества папства нужно одновременно поднять его нравственно и усилить материально. Но средства обыкновенные медленны и недейственны там, где противник не стесняется в их выборе; его можно победить только тем же оружием. Теперь Гильдебранд смело и прямо пошел к намеченной цели: одной рукой он ниспровергал церковные нестроения, другой собирал отовсюду

средства для успешного ведения своего дела. Недаром, отдавая должное изумительным его талантам, Лев не раз замечал: “Если ты, Боже избави, вступишь на апостольский престол, то приведешь в смятение целый мир”. Вообще, уже при Льве Гильдебранд занял выдающееся положение, будучи возвышен в сан иподьякона и получив в свое ведение хозяйственную часть и управление обширными церковными владениями. Здесь в полном блеске обнаружились способности Гильдебранда: он в короткое время значительно увеличил церковные доходы, но их все равно не хватало, так как, пользуясь смутами, многие захватили папские земли; Гильдебранд создал милицию святого Петра и вооруженной рукой отнял многое из утраченного. Но для содержания милиции нужны были деньги, и в их приобретении обнаружилась полная неразборчивость Гильдебранда: он сошелся с евреями и при их посредничестве стал давать в рост унаследованные от Григория VI деньги, продавал свое содействие в различных делах, причем далеко не всегда брал под свою защиту правое дело. Зато при исполнении ответственных поручений, возлагаемых на него папой, Гильдебранд был неуклонно беспощаден, до безжалостности справедлив, а ему не раз приходилось заменять Льва IX, когда тот покидал Рим для разъездов по Европе. Исполняя одно из таких поручений, он должен был исследовать учение Беренгара, отрицавшего “пресуществление” святых даров во время евхаристии. Учение это произвело сильное впечатление на Гильдебранда, и он хотел защитить смелого проповедника, советуя ему обратиться за решением самого папы в Рим, где обещал оказать поддержку. Но именно в это время пришла весть о смерти Льва. Гильдебранд поспешил в Рим, чтобы повлиять на назначение нового папы, и поспел вовремя: ни клир, ни народ римский не могли столковаться на ком-либо из кардиналов; некоторые подавали голос и за Гильдебранда. Последний заявил решительно о необходимости избрать пастыря из другой церкви, чем устранялись поводы к столкновениям, спорам и недоразумениям. Это предложение восторжествовало, и Гильдебранд отправлен был уполномоченным к германскому двору для избрания нового папы. Выбор Гильдебранда пал на виновника неудачи Льва IX, епископа Гебгарда. В этом по-видимому опрометчивом поступке скрывался, однако, необыкновенно тонкий и верный расчет: Гебгард был самым могущественным лицом в империи после Генриха и, сделавшись папой, мог увеличить средства апостольского престола. Кроме того, прекращалось противодействие усилению папства, так как оно теперь становилось близким ему делом. Немудрено, что Генрих

отказывался исполнить желание Гильдебранда и сам епископ не хотел работать против плодов собственной деятельности. Тем не менее настойчивость Гильдебранда победила: Гебгард принял папскую тиару, заявив предварительно, что все, принадлежащее св. Петру, должно быть возвращено ему, разумея под этим церковные владения, права и льготы, дарованные клиру и папству. Император дал на это полное согласие, уступив пламенным убеждениям Гильдебранда и его непоколебимой уверенности в справедливости подобного требования. Но уступчивость Генриха была куплена довольно дорогой ценой: он не упускал из виду итальянских происшествий и хода церковных преобразований и видел, насколько оправдались его прозорливость и опасения по отношению к Гильдебранду; а потому, желая отстоять неприкосновенность прав светской власти, связал Гильдебранда торжественной клятвой о том, что ни он и никто другой с его помощью не сядет на апостольский престол без согласия императора или его сына и наследника. Такой поступок Генриха объясняется также подозрениями, вызванными в немецком духовенстве прибытием другого посольства от римского дворянства. Это посольство отрицало полномочия Гильдебранда и обвиняло его в честолюбивых замыслах.

Связанный вынужденной присягой, Гильдебранд вместе со своим избранником отправился в Рим, где новый папа получил имя Виктора II (1054 – 1057). Само собой понятно, что в правление Виктора II, поднявшего политическое значение папства возвращением множества земель, Гильдебранд не играл руководящей роли: папа не любил монахов, живших вне монастырей, и держал Гильдебранда вдали от своих планов и намерений, хотя не устранил его от заведования казной и возлагал на него порой обязанности легата для осуществления преобразовательных идей. Таково было посольство Гильдебранда во Францию, где он низложил многих епископов за симонию и отрешил многих священнослужителей за брачную жизнь: ни связи, ни деньги, ни раскаяние не помогали виновным, ничто не спасало их от осуждения. Эта неумолимая строгость вызвала даже порицания клюнийцев, но и они не умерили пыл Гильдебранда. Между прочим, здесь произошел случай, наглядно показавший все его духовное могущество. Один епископ, подкупив свидетелей и самих обвинителей, дерзко отрицал свою виновность. В бесплодных спорах и пререканиях прошел целый день; за недостатком улик приходилось отложить разбор дела, как вдруг Гильдебранд прибегнул к своеобразному средству: устремив на обвиняемого свои огненные глаза, он предложил ему произнести

во всеуслышание: “Слава Отцу и Сыну и святому Духу”. Бодро начал епископ: “Слава Отцу и Сыну”, а затем, смущенный общим вниманием, испытующим взором Гильдебранда, сознанием виновности, запнулся и замолчал. Трижды начинал он славословие и всякий раз прерывался, наконец не выдержал: пал ниц и со слезами раскаяния поведал собору свою вину, прося справедливого возмездия.

Сторонники преобразований повсюду рассказывали этот случай, усматривая в нем настоящее чудо; восторженно-мистическое настроение века способствовало закреплению такого толкования в обществе, и Гильдебранд приобрел славу человека богоугодного.

Тем временем умер Генрих III, а Виктор II недолго управлял империей, как опекун малютки Генриха IV, так как скончался вскоре после императора. Деятельность этих двух лиц, шедших рука об руку, придавала прочность и силу зачаткам преобразовательного движения, сдерживала его крайности, пугала противников, так что столкновение между церковью и государством при их жизни было немыслимо. Зато теперь встрепенулись все подавленные элементы: немецкое княжевластье, римские бароны, темные фанатики, своекорыстные духовные сановники. Среди этого разлада и беспорядка руководящее положение должен был занять человек энергичный, одаренный сильной волей, знавший, чего хочет, к чему стремится, изучивший средства свои и своих противников. Именно Гильдебранд подходил для такой роли. И он выступает теперь самостоятельно, во всеоружии своих необычайных способностей, обогащенный опытностью и близостью к стольким выдающимся людям; даже несколько зависимое положение, в котором он находился при Льве и Викторе, пошло ему на пользу: оно научило его выжидать, сдерживать жажду деятельности до удобной поры, когда возможно вполне проявить свою беспощадную и энергичную натуру.

Глава II на пути к торжеству

Неурядицы в Риме. – Гильдебранд едет в Германию. – Два папы. – Кровавая борьба между ними. – Помощь норманнов и победа Гильдебранда. – Неправый суд. – Избирательный декрет Николая II. – Новые средства. – Патария. – Первое нападение и отпор. – Церковный раскол. – Государственный переворот. – Обширные связи. – Вынужденное покаяние. – Неудавшийся развод. – Борьба с симонией в Германии. – Нелепая клевета. – Усиление папства

Зародыши неурядиц и волнений были всего более живучи в самом Риме, где дворянство не могло сжиться с мыслью о потере своего влияния, с лишением церковных владений, со строгим духом преобразований, вытравившим прежнюю раздольную жизнь; поэтому смерть Виктора II и отсутствие прочной власти в Германии, где мощную длань Генриха III заменила слабая рука его супруги, послужили прекрасным поводом к возникновению смут: римляне долго не могли выбрать преемника Виктору; началась борьба партий; в самый ее разгар некоторые кардиналы обратились к аббату монтекассинского монастыря, Фридриху, за советом; он порекомендовал четырех лиц, между прочим и Гильдебранда, но римляне объявили, что не считают их достойными такого сана, и решили избрать самого аббата; тщетно он отказывался, тщетно более благоразумные советовали подождать возвращения Гильдебранда, бывшего при усопшем папе во Флоренции, – римляне настояли на своем и провозгласили Фридриха наместником апостолов под именем Стефана IX (1057 – 1058). При нем дело преобразований шло своим чередом, только искоренению брачной жизни духовенства уделялось наибольшее внимание. Но клюнийская программа не удовлетворяла некоторых близких Стефану деятелей: кардинал Гумберт напал в своем сочинении “Против симонистов” на светскую инвеституру (то есть обычай, в силу которого передачей посоха и перстня светские владетели, даже женщины, утверждали епископов и аббатов в правах пользования церковным имуществом) и советовал для скорейшего проведения реформы запретить мирянам посещение богослужений, совершаемых симонистами и женатыми. Но пока о применении на деле этих советов не могло быть и речи: избранием Стефана IX были нарушены права молодого римского патриция, Генриха. Следовало ожидать германского вмешательства. Эту опасность устранил Гильдебранд; верный клятве и желая по возможности загладить происшедшее, он поспешил в Германию за запоздалым

согласием и своим красноречием, знанием святого писания и настойчивостью победил недовольство: искомое согласие было дано.

Пока Гильдебранд хлопотал в Германии, в Риме произошли новые события: Стефан IX, не отличавшийся крепостью здоровья, скончался и перед смертью заклинал, во избежание беспорядков, подождать с избранием нового папы до прибытия Гильдебранда, которому безусловно доверял. Но враги реформ, римские бароны, сочли, что настал их час. Разграбив сокровищницу св. Петра, они раздавали на всех углах и перекрестках деньги для привлечения продажных римлян на свою сторону. “Золотые увещания” оказались очень действенными и, невзирая на проклятия кардинала Дамиани, бароны избрали епископа Веллетрийского в папы под именем Бенедикта X (1058 – 1059). Их противники вынуждены были покинуть вечный город и старались привлечь на свою сторону Гильдебранда, только что возвратившегося из Германии. Но Гильдебранда незачем было и упрашивать: он ни в коем случае не мог признать Бенедикта, будучи связан клятвой, данной Генриху III. Кроме того, признание Бенедикта было равносильно торжеству прежнего порядка, столь ненавистного сторонникам преобразований. Не желая губить свое дело, Гильдебранд решительно выступил против дворянского папы, разослал во все стороны письма, просил в них не признавать Бенедикта, собрал павших духом кардиналов и всех недовольных римскими событиями, в том числе брата покойного Стефана, герцога Готфрида. Образовалась мало-помалу грозная сила. Гильдебранд решил избрать своего папу, и выбор его пал на епископа флорентийского Гебгарда. Опять в Германию отправилось посольство за согласием. Конечно, произвол римлян оскорбил императорское правительство, и оно одобрило выбор Гильдебранда. Тогда и кардиналы, и бежавшая часть римского духовенства торжественно признали Гебгарда наместником апостолов, дав ему имя Николая II (1059 – 1061). Следовало ожидать теперь кровавого столкновения между партиями, так как бароны неспособны были уступить без борьбы. Гильдебранд и тут принял меры: прежде всего он обратился к духовному оружию и предал Бенедикта и его сторонников анафеме. Затем, зная отлично слабость римлян к золоту, отправил в Рим значительное количество денег и этим возбудил там междоусобие; довольно долго кровь лилась рекою и горели дома, пока наконец не стала одолевать сторона Гильдебранда. Тогда и он вместе со своим избранником подступил к Риму, мечом и золотом сломил сопротивление и завладел городом. Бенедикт заперся в крепком замке, откуда Гильдебранд не мог его выбить за недостатком

войск. Необходимо было для окончательной победы добыть войска, и вот Гильдебранд отправляется в южную Италию, к норманнам, вместе с Николаем снимает тяготевшее над ними отлучение, дает инвеституру норманнским князьям: Ричарду – на княжество Капуанское, а Роберту Коварному – на герцогство Апулию, Калабрию и Сицилию, “земли св. Петра”. Как бы в уплату за это оба князя дали клятву в верности римской церкви, обязались платить ей ежегодную подать и немедленно оказали помощь в борьбе против приверженцев Бенедикта. Окруженный со всех сторон, Бенедикт принужден был сдаться. Немедленно Гильдебранд созвал в Риме собор, чтобы покончить с расколом и решить много других важных проблем. Во время заседания этого собора ставленника дворян, по приказанию Гильдебранда, ввели в храм Спасителя, где толпилось множество прибывших на собор духовных лиц и мирян; с него сняли священническое облачение, поставили его пред алтарем и вложили в руку длинный список всевозможных преступлений, будто бы совершенных им. Бенедикт долго отказывался читать это ужасное самообвинение, но под воздействием угроз вынужден был, заливаясь горькими слезами, принести покаяние в несодеянных грехах. Возле стояла его мать с распущенными волосами, в разорванной одежде, рыдала, жаловалась на вопиющую несправедливость, ударяла себя в грудь, царапала лицо. То же делали и родственники; всему Риму было известно, что несчастный Бенедикт вел примерную жизнь и был одним из лучших пастырей своего времени.

Когда Бенедикт кончил печальное чтение, Гильдебранд прервал молчание словами: “Таковы деяния папы, избранного вами, римляне!” Затем несчастного облачили в папские ризы и совершили обряд низложения. Осужденный был лишен даже сана священника и еще несколько лет влачил жалкое существование, питаясь подаянием добрых людей... Впоследствии Гильдебранд горько каялся в поступке с Бенедиктом, сознаваясь, что последний пал искупительной жертвой в борьбе за отстранение дворянства от назначения пап, и похоронил его с почестями, подобающими истинному первосвященнику.

Таким образом, Гильдебранд показал всем, что не остановится ни перед чем для защиты апостольского престола от произвола римской знати, ибо это – первая ступень к владычеству папства над миром. Но низложение Бенедикта было одной стороной дела: устранен был ставленник дворянства, оставалось уничтожить саму возможность повторения чего-либо подобного в будущем. И вот тот же собор выработал правила, которыми впредь должно было руководствоваться при избрании пап: за римским клиром и народом оставалось право одобрения;

патриций Генрих был лишен права назначения, но *лично* удержал право согласия. Теперь все зависело от решения коллегии кардиналов, которые и избирали преемника сошедшему со сцены папе. Избрание это могло происходить всюду, где собиралась "лучшая часть" кардиналов. Установлением этих руководящих правил не ограничилась деятельность собора: Гильдебранд видел, что союз со светской властью непрочен и дело преобразования медленно подвигается вперед, поэтому решился испробовать новое средство, указанное кардиналом Гумбертом, и обратился к совести прихожан. Соборным постановлением запрещено было посещать богослужения, совершаемые женатыми священнослужителями и симонистами. За исполнением этого запрещения во всей строгости должны были наблюдать бродячие монахи, не по разуму усердные, способные по одному подозрению возвести самое ужасное обвинение. Своими проповедями они волновали чернь и вооружали ее против духовенства. Волей-неволей для спасения своих жизней многие священнослужители отпустили жен, клялись изгнать симонию. Преобразования пошли несравненно быстрее. С этой поры Гильдебранд твердо уверовал в действенность средства кардинала Гумберта и пользовался своим неограниченным влиянием на папу для расширения его применения. Злые языки сравнивали отношения Николая к Гильдебранду с отношением осла к хозяину, и в этом сравнении заключалась доля правды, так как воля последнего была единственным законом для слабого папы. Немедленно для Гильдебранда был освобожден важный пост архидиакона, причем занимавшее ранее этот пост лицо получило изрядные деньги в уплату за свой вынужденный отказ. Архидиаконство до некоторой степени соответствовало министерству иностранных дел: все внешние дела перешли теперь в руки Гильдебранда, и он направил свои усилия на поднятие могущества пап в Европе, завязал дружественные отношения с французским королем, бургундскими владетелями, английскими епископами, а союзом с норманнами обезопасил южную окраину церковных владений. Оставалось сделать то же с северной; и тут и там папство подало руку нарождающимся силам: чем были норманны на Юге, тем стали патары на Севере.

В Ломбардии издавна епископы и высшие сословия притесняли низшие слои, опираясь на могущество германских императоров, и не хотели признавать над собой властной воли пап. Поэтому Рим нашел себе союзников в менее зажиточной, угнетенной части населения. Благодаря исконной поддержке пап их сторонники получили в Ломбардии действенные, чисто военные полномочия и ревностно старались проводить идеи

реформы, убеждая дубьем, мечом, насмешками, грабежом и поджогами. Дикий разгул с самой кончины Виктора II воцарился на равнинах По. Тщетно епископы старались противодействовать злу убеждениями и презрением, дав сторонникам пап кличку “патары”, то есть “оборванцы”. Чернь не смутилась этим и бранное название приняла как почетное имя. Наконец мера терпения переполнилась, архиепископ миланский, избитый патарами, обратился к папе Стефану с просьбой сдержать безграничное усердие ревнителей. В Милан был отправлен легатом Гильдебранд. Торопясь, как известно, в Германию, он пробыл всего лишь несколько дней в столице Ломбардии и за это короткое время еще более укрепил связи патаров с Римом. После отъезда Гильдебранда смуты не улеглись. Знать напрягала все силы для усмирения патарии. Тогда патары обратились в Рим, к своим покровителям, с жалобой. Гильдебранд немедленно отправил в Милан Петра Дамиани, дав ему предписание не только искоренить симонию и брачную жизнь духовенства, но и подчинить Милан духовному главенству Рима. Несмотря на значительные волнения, угрожавшие даже жизни посла, Дамиани нанес смертельный удар независимости миланской митрополии, принудив самого архиепископа и все духовенство дать клятву, что они впредь тщательно будут избегать общения с женатыми священнослужителями и симонистами. Сверх того, архиепископ вместе со своими епископами должен был на римском соборе 1059 года – вопреки правам императорства – принять инвеституру из рук Николая II, чем признавал папу верховным сюзереном всех имперских ленов, принадлежавших ломбардскому духовенству. Уже этим невольным признанием самым существенным образом были задеты интересы молодого Генриха. Но Гильдебранд пошел еще дальше: на том же римском соборе он короновал Николая королевской короной, соединенной с папской тиарой, чем подчеркивал притязание пап быть VI светскими главами мира. Бросая этот вызов императорству, Гильдебранд рассчитывал на его слабость, вызванную малолетством Генриха IV и отсутствием прочного направления в политике его матери и опекунши, и хотел подготовить умы к дальнейшим своим требованиям. Но открытая борьба наступила скорее, чем можно было предполагать: постановления римского собора оскорбили императорство, немецких и ломбардских епископов, римское дворянство, и эти столь различные, даже враждебные порой силы соединились и своим влиянием побудили мать Генриха IV, Агнессу, на собор ответить собором, чтобы объявить все распоряжения папы Николая незаконными, а его самого низложенным и преданным анафеме.

Положение дел осложнилось до чрезвычайности, когда вскоре затем скончался Николай II и часть римлян отправила послов к наследственному своему патрицию для назначения преемника умершему. Но Гильдебранд не дремал: он поспешил предупредить неприятное избрание и произвел выборы под своим давлением; благодаря помощи норманнов и герцога Готфрида, Ансельм, епископ Луккский, был объявлен папой под именем Александра II (1061 – 1073). Противники Гильдебранда побудили Агнессу назначить своего папу в лице Кадала, епископа Пармского. Опять произошел церковный раскол, опять вечный город сделался поприщем уличных схваток и грабежей, опять потекла кровь, полилось золото, привлекая продажных римлян на сторону более щедрого; борьба шла с переменным счастьем; Гильдебранд, верхом на коне, лично водил своих ратников на врага, но Кадал стал уже брать верх, когда переворот, совершенный епископом Анноном, устранившим Агнессу от кормила правления, привел к торжеству Александра: на мантуанском соборе (1064) он торжественно был признан папой, а Кадал объявлен низложенным. Кадал не унялся, созвал свой собор, низложил и предал анафеме Александра. К тому же вскоре оказалось, что победа Аннона, из своекорыстных целей покровительствовавшего партии Гильдебранда, была непрочна: на молодого короля приобрел решительное влияние епископ Бременский, Адальберт, объявивший Генриха совершеннолетним (1065) и заменивший Аннона в управлении государством. Будучи верным слугой императорства, Адальберт стал готовиться к римскому походу и коронованию Генриха императорской короной. Противники папства приободрились; один из вождей патаров был убит самым зверским образом: ему отрезали уши, нос, правую руку, вырвали глаза, оскопили и полуживого бросили в болото; Кадал подступил к Риму. Ввиду грозной опасности Дамиани обратился к Генриху с мольбой помочь святой матери, Римской церкви, и прекратить раскол. Гильдебранд был вне себя от такого опрометчивого шага старого кардинала, своим неуместным обращением к светской власти уничтожившего плоды, добытые упорным и медленным трудом. Судьба спасла Дамиани от продолжительных нареканий. Деятельность Адальберта, направленная на усиление королевской власти, вызвала недовольство имперских князей; они настояли на возвращении Аннона (1066) и тем упрочили положение Александра. Но Гильдебранд не мог сжиться с такой позорной зависимостью от дворцовых переворотов в Германии и с удвоенным рвением предался осуществлению своей заветной мечты – поставить на незыблемую почву духовное и светское

могущество римского первосвященника. Благодаря неутомимым стараниям дальновидного архидиакона многие бургундские и французские владетели дали клятву “в какое угодно время оказать вооруженное содействие для защиты имущества св. Петра”. Тесная связь с этими владетелями пригодилась и в другом отношении; в ту пору на Пиренейском полуострове шла борьба с мусульманами, и Гильдебранд, видя, что успех осеняет христианские знамена, задумал воспользоваться им для расширения папского влияния на Испанию: он отправлял туда бургундских и французских рыцарей с обязательством получить в лен от св. Петра земли, которые будут отняты у неверных. Умея всюду угадать зародыши будущего развития, Гильдебранд не остался равнодушным зрителем крупнейшего политического переворота своего времени: завоевание Англии норманнами произошло под знаменем св. Петра, присланным Вильгельму архидиаконом, деятельно помогавшим норманнскому герцогу “в надежде, – выражаясь словами самого Гильдебранда, – что столь многочисленные убийства поведут к возвышению того, кто из хорошего сына святой церкви, благодаря ее помощи, сделается лучшим”. Да и вообще, при проявлении самостоятельности какого угодно народа Гильдебранд оставался верен себе и своей цели. Датский король и богемский герцог тяготились духовной зависимостью от немецкой церкви и обратились в Рим с просьбой учредить в их владениях самостоятельные митрополии, подчиненные только папе. Желание это нашло в архидиаконе деятельного помощника и было осуществлено впоследствии, несмотря на все препятствия со стороны германского правительства, занятого, впрочем, личным обогащением, а вовсе не интересами императорства.

Таким образом мало-помалу рос авторитет апостольского престола и папство становилось во главе западноевропейского мира. Гильдебранду оставалось только порвать до некоторой степени зависимые отношения римской курии с германским двором. Почву для осуществления намерения архидиакона подготовили своим соперничеством и личными счетами сами немецкие прелаты: самые могущественные из них писали униженные письма к Гильдебранду, прося его оказать содействие их своекорыстным намерениям и позволяя себе открыто заявлять, что венец королевский и диадема римской империи находятся в руках папы при посредстве св. Петра. Гильдебранд не замедлил дать понять самому Аннону, что и высшая духовная власть находится в руках папы. Аннон Кельнский и Зигфрид Майнцский приехали в Италию для сбора имперской дани и, желая показать свою независимость от Александра, обязанного им своим

престолом, вступили в сношения с Кадалом и некоторыми из его вернейших сторонников. Александр, по совету Гильдебранда, потребовал всенародного покаяния за общение с отлученными, когда Аннон и Зигфрид прибыли в Рим. Здесь и пришлось первым сановникам империи, босиком и в одеждах кающихся грешников, молить папу об отпущении греха и своим смиренным покаянием засвидетельствовать перед миром, что папство может теперь громко изъявлять свою волю и заставить исполнять ее. Вскоре после этого урока Гильдебранду удалось показать всю силу папства уже на самом Генрихе. Оставшись крошечным малюткой после смерти отца, он не получил хорошего воспитания, и его малолетство имеет много общего с молодыми годами Ивана Грозного: тот же произвол князей, то же заискиванье перед ребенком, которого одни унижали, другие баловали, стараясь внушить высокое понятие дарованной ему небом власти. Под такими влияниями и выработался характер самовластный, вспыльчивый, неустойчивый, скрытный, недоверчивый, склонный к чувственным наслаждениям. Исполняя завет отца, Генриха женили на Берте Сузской, но король не любил ее и предпочитал одерживать легкие победы в кругу придворных дам. Наконец и такая свобода показалась ему тюрьмою, и он вздумал развестись с навязанной супругой. Примеры шурина, Рудольфа Швабского, женатого на трех живых женах, английского короля Вильгельма, заставившего своих епископов развести его с ненавистной женой, подавали надежду на успех. Генрих повел дело тонко: сначала расположил в свою пользу щедрыми обещаниями примаса Германии Зигфрида, затем остальных епископов. Все обещали свое содействие, и Генрих предвкушал прелести развода, как вдруг обстоятельства переменились: Рим взял сторону невинной и несчастной Берты. Недремлющее око Гильдебранда уже давно замечало распущенность, царившую при германском дворе, где господствовали симония, разврат, борьба честолюбий, заговоры и тайные убийства. К тому же двуличный Зигфрид поспешил снять с себя всякую ответственность по бракоразводному делу, тайком отписав в Рим о намерениях короля. Гильдебранд немедленно поспешил подчеркнуть роль папы как защитника угнетенной невинности: в Германию был отправлен Петр Дамиани. Престарелый аскет оказался вполне на высоте своей задачи: пламенными убеждениями он сумел пробудить лучшие черты Генриха – великодушие и религиозность. Не без тяжелой внутренней борьбы отказался молодой король от своей затеи и решил терпеливо нести свой крест. Эти покорность и смирение были вознаграждены с избытком: в Берте он нашел любящую и преданную подругу, а Дамиани дал о нем в Риме лестный отзыв и

побудил смотреть на него другими глазами. Зато Дамиани отлично познакомился с безотрадным положением германского духовенства, вовсе не отвечавшего требованиям клюнийцев: все высшие сановники запятнали себя симонией, а низшие жили поголовно в браках, – преобразовательное движение не проложило еще торного пути в Германию. Гильдебранд взял на себя устроить ему широкое и привольное русло. Прежде всего он вызвал в Рим трех самых влиятельных прелатов немецкого государства: примаса Зигфрида, правителя Аннона и епископа бамбергского Германа, для объяснений по обвинению в симонии. Вызванные прелаты не посмели уклониться и покорно прибыли в вечный город, где их ждали строгие укоризны. Для искупления вины они клятвенно обязались всячески противодействовать симонии и способствовать реформе. Правда, Герман сумел золотом купить себе награду в Риме, но, подобно товарищам, вынес глубокое убеждение, что с Гильдебрандом шутки плохи, и поспешил сдержать клятву. Аннон, Зигфрид и Герман почувствовали теперь живейшую потребность в созерцательной жизни, выписывали монахов из Кпюни для пользования их спасительными советами, основывали монастыри для насаждения в своих епархиях клюнийских идей. Широко разлились теперь волны преобразований по Германии. Конечно, участь трех прелатов не могла устранить вполне симонию за Альпами – там по-прежнему шла торговля епископствами и аббатствами, – но теперь все знали, что виновных ждет в Риме суд и наказание. Жители городов и монахи аббатств, куда присылали запятнанных симонией пастырей, обращались теперь к папе “за помощью против волков, угнетателей овец Христовых”. Гильдебранд никогда не отказывал в содействии, и следствием его вмешательства неизбежно было низложение недостойных. В силу этого число сторонников папства все возрастало. Заручаясь союзниками в Германии, архидиакон не забывал и Италию. Здесь он нашел самых надежных и верных друзей в тосканской графине Беатрисе и ее дочери Матильде, ревностно истреблявших в своих владениях симонию и брачную жизнь духовенства. Особенно близка была Гильдебранду молодая Матильда, умнейшая и даровитейшая женщина своего времени. Современникам и потомству казались подозрительными ее отношения с вождем реформы. Враги безбрачия с жадностью ухватились за предлог, чтобы подорвать нравственное обаяние Гильдебранда, забросать его грязью и показать всему миру, что он первый не соблюдает постановления, исполнять которые заставляет других. Но эти нарекания лишены всякого основания: не как нежный обожатель, а как священнослужитель и духовник мог Гильдебранд приковать

к себе такой характер, каким обладала Матильда; ее несколько мужская природа и по воспитанию совершенно чужда была чувству земной любви. Еще ребенком она почти постоянно видела мать в обществе священнослужителей, слышала их разговоры о суете и греховности всего земного, о прелестях самообуздания, созерцательной жизни и умерщвления плоти, о той великой награде, которая ждет за эти подвиги на небе. Это направление воспитания дано было по почину и усмотрению Гильдебранда, для которого в высшей степени важно было, чтоб такая могущественная владетельница и соседка являлась преданнейшей дочерью святой церкви. Отдавшись всецело, под влиянием впечатлений детства, делу реформы, Матильда, в силу своего природного ума, расширенного и обогащенного широким знакомством с духовной письменностью, увлеклась величием преследуемой Гильдебрандом цели – хотя бы насильственного спасения человечества и неуклонно стремилась к тем же идеалам, какие воспламеняли могучий гений ее друга. Эта-то общность воззрений поставила их в тесную связь, показавшуюся грязному воображению подозрительной и не совсем чистой.

Стало быть, деятельность Гильдебранда и теперь уже принесла блестящие плоды: за последние годы, без особенной растраты сил, без мировой борьбы папство упрочило и свое нравственное положение, и материальную мощь, заключавшуюся в значительном числе преданных делу папства владетелей. Оставалось идти далее, подняться еще выше, не только освободить церковь от влияния светской власти, но и утвердить “царство Бога на земле”, поставив папство во главе всех сил мира.

Глава III. Решительный шаг

Разрыв с прежними друзьями. – Трудное положение. – Выход из него. – Смерть Александрии. – Удача замысла. – Новые осложнения. – Полное торжество и общее признание

Нетрудно предвидеть, что Гильдебранд, до сих пор имевший на своей стороне многих духовных и светских властителей, искусно использовавший дух времени и жгучую потребность в церковных преобразованиях, для достижения своей конечной цели должен был выдержать упорную и непримиримую борьбу. С этого времени уже в рядах сторонников реформы обнаруживается разделение. Одни, и притом большинство, полагали, что цель почти достигнута: окончательное искоренение симонии и брачной жизни духовенства – лишь вопрос времени; папство стало на подобающую нравственную высоту; права светской власти на замещение апостольского трона значительно урезаны и приведены в согласие с соборными постановлениями. Дальше идти было незачем, да и некуда: равновесие между папством и императорством являлось основным началом средневековой жизни, изменять которое не было ни малейшей необходимости, так как император был исконным защитником и покровителем церкви.

Во главе этой партии стояли известный Петр Дамиани и Дезидерий, аббат монтекассинский, человек мягкий, кроткий и глубоко ученый. Другие, составлявшие меньшинство и имевшие вождем Гильдебранда, думали, как известно, поставить папство бесконечно выше императорства. Это коренное различие в руководящих взглядах обнаруживалось в борьбе за преобладающее влияние на слабого Александра II, в порицании одними действий других, причем Гильдебранд всегда был сторонником крутых мер. Так, один аббат приказал выколоть глаза трем приорам своего монастыря, а одному отрезать язык за попытку восстать против его власти. Дезидерий, которому был поручен папой разбор дела, низложил жестокого и самоуправного аббата. Гильдебранд же взял его под свое покровительство и назначил епископом. Дамиани выступил тогда с требованием соразмерности наказаний с виной и осуждением произвольного поступка Гильдебранда. Заодно Дамиани напал и на злоупотребление отлучением, к которому любил прибегать архидиакон, произнося его над целыми городами и странами, главным образом норманнами и ломбардами, на пристрастие к военному делу, столь несовместимому с монашескими обетами, на вооруженное отстаивание прав св. Петра, упрекал архидиакона

в гордости и высокомерии. Еще более резкое столкновение произошло по делу Флорентийского епископа. Он был заподозрен в симонии монахами, которые и стали доказывать, что все таинства, им совершенные, недействительны, а общение с ним – величайший грех. Основываясь на таком умозаключении, монахи всячески мешали епископу в отправлении его обязанностей. Многие умирали, благодаря им, без покаяния; дети оставались некрещеными; простое сожительство заменило брачные узы. Дамиани, прибыв во Флоренцию, стал доказывать, что вследствие одного подозрения нельзя лишать верующих единения с Богом. Тогда монахи вооружили против обличителя своих приверженцев и принудили его оставить город. Дамиани обратился к перу и написал послание горожанам, где увещевал их избегать насилий. Средство подействовало: смута была прекращена решением спорящих подвергнуть дело разбирательству папы. Тут сторону монахов принял Гильдебранд и потребовал Божьего суда, который окончился неблагоприятно для епископа. Не довольствуясь этим успехом, архидиакон напал на учение Дамиани, утверждавшего, что таинства не зависят от достоинств лиц, их совершающих, и требовал беспощадной строгости для низложения женатых священников и симонистов. Толпы бродячих монахов спешили приложить к делу эти крайние взгляды, не брезгуя открытым грабежом и насилиями. Такое спасение не находило сочувствия в среде спасаемых. Некоторые священники занимали точку зрения Дамиани. Тогда монахи, с ведома и одобрения Гильдебранда, подкидывали в их жилища различные принадлежности женской одежды, затем врывались туда, обвиняли в незаконных связях, убивали, скопили и изгоняли из городов. Наиболее часто прибегали к таким уловкам патары. Под влиянием Гильдебранда Александр поощрял поведение патаров и в окружном к ним послании прямо приказывал “изрубленными трупами завалить дверь симоновой продажности и прелюбодейства клириков”. Когда же, после смерти престарелого миланского архиепископа, вождь патаров Эрлембальд, получивший знамя св. Петра для освящения совершаемых им насилий, обратился за советом в Рим, Гильдебранд щедрой раздачей денег побудил избрать некоего Атто; король же Генрих утвердил назначенного покойным архиепископом Готфрида. Сторонники обоих архиепископов превратили Милан и Ломбардию в арену кровавой борьбы, жгли, грабили имущество противников, избивали их, не щадя ни пола, ни возраста. Гильдебранд потворствовал этим волнениям и содействовал им всем своим влиянием. Он даже косвенно нападал и на Генриха, отлучив его советников за симонию, в сущности, за

противодействие в миланских делах.

Александр II, подстрекаемый умеренными папистами, не раз оказывал противодействие намерениям Гильдебранда, когда исполнение их грозило вызвать гражданскую смуту или разрыв с императорством. Встречая такое противодействие, Гильдебранд разрывал связи с прежними друзьями и поступал еще круче: нередко он по одному подозрению бросал в тюрьмы людей невинных, легко прощал людей, запятнанных преступлениями, приближал их к себе и употреблял как орудие.

Несправедливо обвиненный в симонии, Дамиани умер от изнурения, вызванного подвижнической, высоконравственной жизнью и непомерными трудами для мирного и постепенного проведения преобразований. Александр ненамного пережил престарелого кардинала: 21 апреля 1073 года не стало и его. Злые языки праздных болтунов и людей злонамеренных толковали, будто он был отравлен Гильдебрандом, который хотел устранить даже тень своей зависимости от кого бы то ни было. Но обвинение это до такой степени нелепо, что наиболее трезвые из врагов Гильдебранда никогда не придавали ему значения, прямо называя подобные измышления наглой ложью. Тем не менее справедливость требует признать, что Гильдебранд предвидел смерть болезненного Александра и заранее принял меры для удержания за собой решающего голоса в ходе событий.

Побуждения его достаточно ясны, если войти в его безотрадное положение: человек, отдавший всю свою жизнь, все свои богатые способности служению великой идее, неуклонно стремившийся к намеченной с молодых лет цели, видел все-таки свои стремления далеко не вполне осуществленными; оставалось сделать еще очень много, а силы слабели, энергия истощалась; судя по собственным письмам Гильдебранда, по временам его душу охватывала тяжелая тоска, горькое уныние; порою закрадывалось в голову мучительное раздумье, хватит ли сил довести до конца начатое исполинское дело, тем более что даже в людях, обязанных ему своим возвышением, он зачастую встречал вместо помощи противодействие. К душевным терзаниям присоединялись и телесные недуги: Гильдебранд никогда не отличался крепким здоровьем, а труды, заботы и разочарования только подтачивали и расшатывали его; приближалась неумолимая старость; рядом с ней витал и грозный призрак смерти. Предстояло дать Богу отчет в выполнении возложенного призвания, столь ясно указанного знамениями свыше.

Теперь от нового папы зависело многое: ничтожная личность по своей слабости и посредственности легко могла сделаться игрушкой других и, в случае смерти Гильдебранда, посягнуть на

его дело, которое пошло бы прахом. Зато сильный волей и богатый умом и опытом папа, пожалуй, захотел бы держать в тени архидиакона. Честолюбие и вера в себя не могли примириться с подобной участью. Раз Гильдебранд чувствовал, что может надеяться только на себя, то ему было необходимо возложить на свою голову тиару римского первосвященника и положить тем последний камень, завершающий величавое здание, плод долголетней и упорной работы. Но, связанный, как известно, клятвой, данной императору Генриху III, и своей подписью на декрете Николая II, Гильдебранд должен был, будучи избран кардиналами, получить согласие Генриха IV. В силу событий последних лет архидиакон не мог надеяться на кардиналов, равно и на согласие немецкого двора. Нужен был новый выход из этого затруднительного положения. Гильдебранд нашел его в каноническом постановлении об избирательных правах паствы, в оговорке декрета Николая II, предоставлявшей права всей коллегии кардиналов – лучшей ее части, в гордом самомнении германского короля и смутах, охвативших его государство. Как везде, так и тут Гильдебранд пользуется всяким случаем, ловит всякую удобную минуту, не разбирая ни путей, ни средств.

Представителем лучшей части кардиналов для Гильдебранда послужил Гуго Белый. Это была личность, славящаяся “косыми глазами и кривыми делами”. Лотарингец родом и кардинал саном, он не раз менял свои убеждения и переходил от одного знамени к другому, сообразуясь с обстоятельствами. Не раз против него клюнийцы возбуждали обвинения в симонии, но он всегда умел выпутаться и даже занять видное положение. Так его послали легатом в Испанию. Здесь Гуго развернулся, вначале с неумолимой строгостью выступил против симонистов, но в конце концов с виновных брал деньги и оставлял безнаказанными. Клюнийцы проведали об этих подвигах и подняли шум, но опять безуспешно: Гуго нашел себе поддержку и могущественную защиту в лице Гильдебранда, который сумел заставить монахов замолчать. В благодарность за спасение Гуго обязался оказывать содействие притязаниям архидиакона на папский престол.

Обеспечив таким образом за собой “лучшую часть кардиналов”, Гильдебранд постарался склонить на свою сторону римских баронов и итальянских сторонников императорства. С этою целью он устроил примирение с папой вождя римских баронов, Ценция, человека отважного, решительного и за деньги готового на все. Ценций поклялся в верности апостольскому престолу. Теперь нечего было опасаться, что дворяне изберут своего ставленника. Блюстителем же императорских интересов в Италии был канцлер, епископ Григорий Верчельский, симонист,

отлученный еще Львом IX за преступную связь с вдовой одного из своих родственников. “Этот самый порочный человек из всех, кого только носила земля, пользовался любовью и вниманием архидиакона до такой степени, что его можно было счесть за пришедшего с небес”. Безнаказанный благодаря снисходительности Гильдебранда, епископ Верчельский обязался во всем повиноваться ему. Грозила еще опасность со стороны Виберта, клирика Пармского, возможного императорского кандидата на тиару в силу своего ума, знатного происхождения и влияния в среде ломбардского духовенства и при немецком дворе. Гильдебранд помог ему, несмотря на нежелание Александра II, добиться важного сана епископа равенского и за свою помощь связал Виберта обещанием оказать содействие, когда придет время.

Все возможные препятствия теперь были устранены, так как для обуздания противодействия умеренных папистов и ревнителей реформы Гильдебранд располагал своим школьным товарищем Цинтием, бывшим тогда префектом Рима и начальником городских войск, затем собственными отрядами и, главное, громадным количеством золота, лучшим средством добиться расположения многочисленного продажного римского населения.

Стало быть, смерть Александра II застала Гильдебранда во всеоружии, и он немедленно принялся за осуществление своего замысла. По приказанию архидиакона Цинтий тотчас же занял вооруженными людьми Латеран для сохранения спокойствия и порядка. Сам Гильдебранд занялся приготовлением к погребению, приказав совершать трехдневное заупокойное богослужение, раздавать милостыню и держать пост. Тем временем его доверенные щедрой раздачей денег настраивали граждан к избранию архидиакона. Целая ночь прошла в суете и волнении. Многие и без денег готовы были подать за него голоса, так как он избавил римлян от столь обычных прежде грабежей и насилий. Мало-помалу брожение охватывало умы; противоречий не было слышно: либо подкупленные, либо запуганные противники молчали. К утру все было готово: громадная толпа клириков, горожан, женщин и мужчин ворвалась в церковь Спасителя, где у тела Александра находился Гильдебранд. Дружные крики “Гильдебранд епископ!” наполнили храм. Услышав эти возгласы, архидиакон хотел было обратиться с успокоительной речью к присутствующим и по обычаю отказаться от предлагаемой чести. Но Гуго Белый предупредил его, поспешно взойдя на амвон. “Братья возлюбленнейшие, – произнес он от имени высшего духовенства, – вы отлично знаете, что Гильдебранд с самого

времени Льва IX возвысил и освободил святую Римскую церковь от грозивших ей опасностей. Он известен своим разумом, и лучшего или даже такого же мужа, способного управлять церковью и защищать город, мы найти не можем, а потому мы, епископы и кардиналы, избираем его единодушно нашим и вашим пастырем и епископом душ наших". Слова Гуго только подлили масла в огонь. Толпа бросилась к архидиакону, схватила его и, несмотря на его сопротивление, повлекла в церковь св. Петра в оковах, облекла в красную мантию и возвела на апостольский престол. Новый папа принял глубоко знаменательное имя Григория VII, чтя своим выбором память учителя, низложенного светской властью, папы Григория VI.

Несмотря на такой удачный исход замыслов Гильдебранда, положение его было довольно шатко: кардиналы не согласились признать Гуго Белого своим представителем и не подписали постановление об избрании Григория. Ошеломленные быстротой хода событий, они не оказали раньше противодействия, а теперь заняли выжидательное положение. Это побудило папу постараться закрепить за собой признание христианского мира. Тотчас после вступления на апостольский престол он развил кипучую, разностороннюю деятельность: почти во все страны Европы полетели гонцы с письмами к различным лицам, которым Григорий считал необходимым сообщить о своем избрании. В каждом из этих писем он жалуется на затруднения и просит своих сторонников "молиться за него и доказать приязнь именно теперь, когда в ней ощущается наибольшая потребность". Затем Григорий поспешил обеспечить спокойствие в Риме, удалив оттуда Гуго Белого: тот сослужил свою службу, и его дальнейшее пребывание могло только вызвать недовольство со стороны кардиналов и ревнителей реформы. Папа отправил Гуго легатом в Испанию, снабдив рекомендательными письмами, в которых называл его полномочным своим представителем. Но в то же время отдал Гуго под тайный надзор клюнийских монахов.

Трудно было провести белого кардинала; понимая, что легатство было почетною ссылкой, он отплатил Григорию, раскрывая по пути тайную подкладку его избрания. Рассказы эти не остались без последствий: Гуго Клюнийский видимо остался недоволен нарушением декрета Николая II и почти год отвечал упорным молчанием на укоры и упреки папы, не посылая ему даже обычного поздравительного письма. Точно такое же впечатление произвели разоблачения Гуго Белого и на кардинала остийского, бывшего легатом во Франции: он не явился в Рим, несмотря на неоднократные приглашения Григория, и не уведомлял даже долгое время о причинах своего неповиновения,

хотя его присутствие, по обычаю, было необходимо для совершения обряда посвящения в сан папы. Само собой понятно, что Дезидерий монтекассинский прямо выражал свое недовольство: уже впоследствии принужденный явиться на поклон к новому первосвященнику, он и тут на упрек Григория: “Ты слишком промедлил”, резко ответил: “А ты слишком поспешил”.

Стало быть, грозные тучи нависали над головой смелого монаха, так как и приверженцы старины ждали только одного слова Генриха, чтоб со всех сторон наброситься на Григория. Но слово это не было сказано. Уже вскоре после своего возвышения, словно желая хотя бы внешне соблюсти клятвенное обещание, данное Генриху III, Григорий отправил его сыну письмо, в котором просил короля не соглашаться с выбором римлян, грозя в противном случае не оставить безнаказанными его проступки. Нужно знать Генриха, чтоб понять чрезвычайно тонкий расчет Григория. Грозить Генриху карой, если он признает выбор римлян, было лучшим средством заставить его дать свое согласие или вызвать открытый разрыв, который отличил бы истинных друзей от тайных врагов. И в том, и в другом случае выигрывал папа, знавший непрочность самодержавия в Германии. Тем не менее Григорий готовил вооруженный отпор на случай вмешательства Генриха: если король, пишет папа доверенным лицам, воздаст нам ненавистью за любовь, всемогущему же Богу пренебрежением Его справедливых заповедей за сан королевский, то да минет нас, по милости Божьей, угроза, гласящая: “Проклят тот, кто удерживает меч Его от крови”. “Ибо несвойственно нам ставить закон Бога ниже личной приязни или уклоняться от стези истины из расположения к людям, так как апостол говорит: если б я угождал людям, то не был бы рабом Христовым. Если же король не пожелает кончить дело миром, то мы не должны отступать от своей матери святой римской церкви. Для нас, без сомнения, обязательнее противостоять королю до пролития крови, защищая истину ради его же блага, чем обречь и его, и себя на вечную гибель, соглашаясь с несправедливостью ради исполнения его желаний”.

Ясное дело, Григорий не думал отказываться от сана папы в случае несогласия Генриха. Король, действительно, хотел было вступиться за свои права, как советовали немецкие епископы, но вмешательство Матильды и Агнессы смирило его порывы. Еще более существенное значение имели мятеж саксонцев и крамолы князей, надолго отвлекшие силы и внимание Генриха в другую сторону. Он предоставил итальянские события собственному их течению. Такое поведение римского патриция заставило всех

недовольных возвышением Гильдебранда либо примириться с ним, либо затаить свои истинные чувства до более удобного времени. Григорий мог беспрепятственно готовиться к возвышению в сан римского первосвященника, последовательно проходя лестницу церковных ступеней от простого монаха до высоты престола вселенского епископа: 22 мая 1073 года он принял священство, а 30 июня получил посвящение в епископы и сделался духовным главой всего западноевропейского мира.

Весть об этом быстро разнеслась всюду, и из разных уголков Европы Григорий получил поздравительные послания и от могущественных светских владетелей, и от епископов, и от монахов – честь, которой уже давно не удостаивались папы. В этих посланиях выражались надежды, возлагаемые на него восторженными поклонниками: “Мощно восстань, – гласит одно из них, – на амалекитян и мадианитян, вторгнувшихся в стогны израильские, и обуздай этих чудовищ. Опояшься мечом, который не следует, по словам пророка, удерживать от пролития крови, так как, по обещанию, он низложит сынов плоти. Ни страх, ни угрозы да не отклонят тебя от святой борьбы. Ты стоишь на высоком посту; глаза всех обращены на тебя; каждый ожидает от тебя великого. Но нелепо подстрекать тебя: ты с чудным рвением замышляешь большее, чем может предвидеть наша близорукость, и подобно орлу вперяешь свой взор в солнце”.

Действительно, Григорий лучше всякого другого знал, что ему делать теперь, и не его надо было побуждать к деятельности и борьбе, для успешного продолжения которых он не остановился перед таким решительным шагом, как нарушение канонических и соборных постановлений.

Глава IV. Цели и средства Григория VII

Взгляд Григория на состояние церкви, обязанности папы и свой долг. – Душевный разлад. – Происхождение светской власти; преимущества и права пап. – Конечная цель. – Безбрачие духовенства как средство. – Борьба и победа. – Инвеститура. – Папа – владыка мира. – Средства Григория

Вся деятельность Григория VII вытекала из его взгляда на состояние современной ему церкви, которое представлялось ему в самых мрачных красках.

“Безграничная скорбь и глубочайшая печаль угнетают меня, – пишет он Гуго Клюнийскому. – Восточная церковь по наущению диавола отпала от правой веры, и исконный враг там и сям умерщвляет христиан. Когда же посмотрю на страны запада, или полудня, или севера, то с трудом нахожу епископов, достойных, по вступлению и жизни, своего сана, таких, которые управляли бы христианскими народами из любви ко Христу, но не из-за мирских побуждений. Да и между светскими владетелями я не знаю таких, кто не предпочитал бы свою честь – божьей, выгоду – справедливости. Те же, среди которых я живу – римляне, ломбарды и норманны, в моих глазах хуже евреев и еретиков”.

“Правители и князья мира сего, – гласит другое письмо, – все ищут своего, а не того, что угодно Иисусу Христу: презрев всякий стыд, они угнетают церковь, как ничтожную служанку, и ни капли не боятся производить в ней неурядицы, лишь бы иметь возможность удовлетворить свои страсти. В свою очередь священнослужители, вместе с получившими в свои руки кормило церковное, почти совершенно не исполняют заповедей Божиих, оставляют в пренебрежении свои обязанности по отношению к Богу и вверенным им овцам, стремятся, занимая церковные должности, к мирской славе и чрезмерными расходами на себя недостойно растрачивают для удовлетворения своей гордости то, что при тщательном распределении должно было бы принести пользу многим. Между ними народ, не только не направляемый на стезю справедливости ни руководством высших, ни узами повелений, а даже примером власть имущих наученный вредному и противному христовой вере, питает склонность и ревностно рвется почти ко всему беззаконному и носит имя христиан, не скажу без исполнения своего долга, но почти без уважения к вере”.

Такое безотрадное состояние веры и церкви, по мнению

Григория, возлагало на папу некоторые обязанности:

“Мы против воли взошли на корабль, – пишет он, – несомый силой ветров, напором вихрей и волн, вздымающихся до небес, по бурному морю в неведомую даль. Однако он, хотя и с опасностью, идет вперед и исследует скрытые скалы и утесы, далеко поднимающиеся в высоту. Святую римскую церковь, во главе которой против желания находимся мы, недостойные, ежедневно и беспрерывно потрясают различные напасти и весьма многочисленные преследования лицемеров, коварство и хитрые наветы еретиков, тогда как светские власти и тайно, и явно разрывают ее на части. Идти навстречу всем этим напастям, тщательно охранять церковь от них, – после Бога, составляет нашу обязанность, и забота о ней днем и ночью сжигает и беспрерывно терзает нас. Помимо сознания своих обязанностей, меня побуждают к борьбе со злоупотреблениями и нестроениями в церкви признательность и страх: признательность, потому что св. Петр ласково вскормил меня с малолетства в своем доме и милость Господа Бога нашего выбрала меня наместником такого пастыря для управления святой матерью нашей, как бы считая меня на что-либо годным; страх, так как грозно звучит божественный глас, глаголя: *проклят человек, удерживающий меч Его от пролития крови,* то есть слово проповеди от порицания сынов плоти.

Да и поставлены мы на апостольский престол для того, чтобы, желаем или не желаем, возвещать истину и справедливость *всем* народам, главным образом христианам, так как Господь сказал: *Взывай громко, не удерживайся, возвысь голос свой подобно трубе и укажи народу моему на прегрешения его,* и в другом месте: *Если не возвестишь нечестивому о нечестии его, взыщу душу его из рук твоих”.*

Под давлением этой тяжелой ответственности и страшного бремени Григорию не раз приходилось переживать мучительную внутреннюю борьбу. О его душевном состоянии в такие тяжелые минуты дает наилучшее представление откровенное письмо к клюнийскому аббату, которому Григорий обыкновенно открывал свое наболевшее сердце:

“Если бы это было исполнимым, я желал бы, чтобы ты вполне знал, какие напасти меня угнетают, какой труд, ежедневно возрастающий, утомляет и сильно смущает меня своим ростом: ведь тогда братское сострадание привлекло бы тебя ко мне; чрез страдания, испытываемые моим сердцем, и ты проливал бы слезы; сердце твое излилось бы пред Господом, чтоб бедный Иисус, благодаря которому все существует и который всем управляет, простер бы руки и с обычной благостью освободил бы

несчастного. Ведь и я часто молю Господа, чтоб Он, по своему усмотрению, либо меня призвал из этой жизни, либо чрез меня помог бы общей матери. Однако Он и до сих пор не вырвал меня из великих напастей, да и жизнь моя не принесла упомянутой матери столько пользы, сколько я надеялся: когда оглянусь на самого себя, то нахожу, что для меня нет надежды на спасение, кроме разве милосердия Христова, ибо если бы я не надеялся, что пришел для лучшей жизни, я не оставался бы в Риме, где нахожусь в силу принуждения, Бог свидетель, уже с двадцати лет. Я живу в скорби, которая во мне ежедневно возобновляется, и в надежде, осуществление которой, увы! о горькое разочарование, – чрезвычайно затягивается. Как бы умирая, я жду Того, Кто связал меня своими узами, привел против воли в Рим и окружил здесь тысячью страданий. Я говорю Ему: поспеши, не медли. Ускорь, не мешкай и освободи меня из любви к св. Марии и блаженному Петру. Но так как похвала не имеет цены в устах грешника и святая молитва не скоро достигает божьего престола, потому что ее произносит человек, жизнь которого не совсем похвальна и дело мирское, – я заклинаю и усиленно прошу людей благочестивых молиться за меня ради любви, которой должно любить общую мать, святую церковь".

Стало быть, общество, по собственному признанию Григория, было целиком поглощено мирскими заботами и стремлениями. В обязанности папы входило пересоздать его, заставив искать вечного блаженства, не упиваться прелестями земной жизни. Обратить народ на путь истины Григорий считал своим долгом и призванием. Вера в свою миссию наполняла все его существо, и ее не убивали вполне минуты уныния, приводя только к сомнению в возможности личного спасения, ценой которого он думал купить благо человечества, избавив его от духовной смерти. Для общего блага и спасения он готов был погубить свою душу греховной жизнью и мирскими стремлениями. Коренной причиной церковных и общественных нестроений Григорий считал самый строй современной ему жизни, где руководящее положение было занято светской властью, которая и по природе своей, и по происхождению не имела на него никаких действительных оснований:

"Кто не знает, – пишет Григорий, – что власть королей и князей ведет свое начало от незнающих Бога, гордостью, хищничеством, коварством, убийствами, короче, преступлениями всякого рода приобретших ее от дьявола, чтоб со слепой страстью и невыносимой гордостью и неправдой господствовать над себе подобными? Вот оттого-то все христианские короли перед смертью со слезами молят о помощи священника, чтоб избежать

адского мрака, достигнуть небесного света и явиться на суд Божий свободными от уз греховных. Но какой мирянин в смертный час взывал о помощи земного короля для спасения своей души? Какой король или император может своей властью исторгнуть христианина из-под власти дьявола посредством крещения, укрепить духовные силы таинством миропомазания? Кто из них может совершить своим словом важнейшее из христианских таинств – пресуществление хлеба и вина в тело и кровь Господа? Кому из них дана власть вязать и разрешать на небе и на земле? – Принимая во внимание все это, всякий, кто только обладает хоть каплей здравого смысла и самыми ничтожными сведениями, может быть уверен в превосходстве священнического сана над королевским. Если же короли отвечают за свои грехи перед священниками, то кто имеет больше права судить их, как не римский папа? Короче сказать, каждый добрый христианин имеет гораздо больше прав на сан королевский, чем дурные князья, потому что христианин ищет славы божьей, а они преследуют собственную выгоду, являясь жестокими притеснителями своих ближних. Тот – член тела Христова, истинного царя, а они слуги дьявола, несмотря на всю свою власть идущие на мученье с князем тьмы, царем над всеми сынами противления. Потому-то королям и императорам особенно полезно, чтобы их сердце, всегда готовое кичиться великими делами и услаждаться собственной славой, знало дорогу к смирению и понимало, что именно того-то и должно им всего более страшиться, что доставляет наслаждение. Тогда они могли бы уразуметь, как опасно и ответственно королевское достоинство и что очень немногие из них обрели спасение и получили по милосердию Божью благодать. От начала мира и до наших дней мы не найдем в достоверных сочинениях даже и семи королей, жизнь которых была бы отмечена такой силой чудес, как жизнь многих, отказавшихся от мирских благ. Я не буду сравнивать их с апостолами или мучениками, но спрошу, какой король сотворил такие чудеса, как св. Мартин, Антоний или Бенедикт; кто из них воскрешал мертвых, очищал прокаженных, возвращал зрение слепым? Между тем около ста одних только римских епископов отнесены к числу величайших святых. Св. Петр, по словам блаженного папы Симмаха, вместе с непогрешимостью передал своим преемникам и свои заслуги, так что всякий, кто носит этот сан, должен быть святым и, за недостатком собственных заслуг, ему вменяются подвиги его предшественников”.

Если преступления породили светскую власть и она вела к торжеству зла, то неудивительно, что люди забыли божественное

откровение и цель своего земного существования.

“Юдоли земные – временная наша стоянка; истинное наше жилище в будущей жизни, которую мы должны искать в Боге. Разве вы не видите всякий день, – пишет папа князьям и вельможам Испании, – как непрочна жизнь смертных, как обманчивы и тщетны людские надежды. Подумайте, что, оставив этот мир, вы обратитесь в прах и тлен, что вам придется дать строгий отчет в своих делах. “Только загробное блаженство бесконечно, только небесная слава непреходяща”. Поэтому, раз народы и цари уклонились от пути истинного вследствие слепоты путеводителей, папа должен направлять всех людей на стезю Господню, исправлять все заслуживающее порицания и законными наказаниями призывать к вечному блаженству всех королей, князей и их подданных, ведь больше земель повинуется повелениям римских первосвященников, чем императоров: “по всей земле прошло слово их” и “над кем властвует Август, над тем властвует и Христос”. Сам Царь славы поставил св. апостола Петра, а стало быть, и его наместника, главою царств мира. Папа так превосходит императора, как солнце превосходит луну, а потому власть апостольского трона много выше могущества королевского престола. Папа – наместник Божий, судом которого разбираются и светские, и духовные дела. Он связывает и разрешает, где хочет и кого хочет, так как даст Богу отчет за все прегрешения людские. Власть его почиет на заслугах св. Петра, на котором основал свою церковь Христос, поэтому неповинующийся апостольскому престолу впадает в смертный грех идолопоклонства. Церковь всюду, где есть верующие во Христа, и все отдельные церкви входят как члены в состав общей матери, церкви римской: ей подчинены короли, князья и все светские владыки, равно как архиепископы, епископы и аббаты. Как глава римской церкви папа может низлагать и духовных, и светских сановников, недостойных, по его мнению, занимаемых ими санов”.

Часто касаясь в своих письмах и окружных посланиях обязанностей пап, Григорий останавливался отчасти и на их правах. Но во избежание недоразумений и отговорок он издал краткий свод прав и преимуществ римского первосвященника, как нельзя лучше отражающий взгляд его на значение папской власти и ее место в христианском мире. Помимо уже известных из приведенных выше отрывков, вот важнейшие из этих прав и преимуществ:

“Римская церковь основана самим Богом. Один только римский первосвященник имеет право называться вселенским. Он один может низлагать и восстанавливать епископов. Его легаты

председательствуют на соборах, произносят приговоры, даже лишают виновных санов. С отлученными папой нельзя оставаться даже в одном доме. Он один может употреблять императорские регалии. Он имеет право освобождать подданных от присяги лицам, запятнавшим себя несправедливостью. Все князья целуют ноги папы. Имя его одного провозглашается в церкви. Сан его единственный в мире. Ему можно низлагать императоров. Ни одно постановление, ни одна книга без его верховного распоряжения не могут считаться каноническими. Никто не смеет порицать его приговоров. Он неподсуден никому, кроме Бога. Важнейшие дела каждой церкви необходимо предоставлять его разбирательству. Римская церковь никогда не ошибалась и, по свидетельству писания, вечно не будет впадать в ошибки. Римский папа по заслугам св. Петра становится святым. Нельзя считать православным того, кто не согласен с римской церковью".

До времени Григория VII ни один папа с такой поразительной откровенностью не высказывал и не развивал пред глазами изумленного человечества таких поистине чудовищных и непомерных притязаний: нет ни светской, ни епископской самостоятельной власти; над всем миром стоит святой и непогрешимый папа. Нельзя, однако, отрицать своеобразной логичности и последовательности умозаключений Григория о неизмеримом превосходстве власти духовной над светской: с известной точки зрения, они вытекали из христианского учения о преобладании духа над плотью. Но сам Иисус сказал: "Царство мое не от мира сего". Григорий же хотел водворить на земле царство Божие под главенством папы, воплотить идею торжества и победы духа над плотью, так как привык, чтоб за святым словом шло и осуществление его на деле. Проникнувшись этим желанием, веря в свое призвание, он смело бросал вызов злу, внедрившемуся в мир. Переворот, замышляемый Григорием, был необычайно труден, так как стремился к коренному изменению существовавших отношений: предстояла борьба с целым миром. Однако Григория не страшили препятствия, не пугало сопротивление: за ним было сознание правоты своего дела, высоты и ответственности своего сана. Земные невзгоды казались ему ничтожными в сравнении с загробным блаженством и муками. И он бесстрашно начал свою кипучую, разностороннюю деятельность для достижения того, что считал общим благом – для водворения правды и справедливости на земле.

Установление царства Божьего на теократических основах, естественно, должно было начаться с преобразования духовенства. Только нравственно и политически свободный клир соответствовал замыслу и мог помочь осуществлению великой

идеи, поэтому Григорий начертал на своем знамени: “свобода церкви”, другими словами – уничтожение браков духовенства, симонии и светской инвеституры. Но Григорий не ринулся очертя голову на борьбу за свой идеал: он соблюдал постепенность в его раскрытии, сообразуясь с ходом и направлением событий. Первые свои удары он направил на симонию и брачную жизнь духовенства, требуя их искоренения *во всей* церкви. Такой мирообъемлющий характер Григорий придал своим мероприятиям путем привлечения на ежегодно созываемые соборы в Риме не только всех соседних епископов, но и высшего духовенства всего католического Запада. “Все воины князей земных, – писал папа в своих призывах, – становятся под знамена для борьбы с врагом. Так должно поступать и духовное воинство Царя небесного”.

10 марта 1074 года Григорий открыл заседания первого созванного им собора и уже тогда, торжественно возобновив постановления против симонии и брачной жизни духовенства, придал им еще большую суровость и беспощадность; все виновные в этих преступлениях пастыри лишались мест и санов. Миряне не смели под страхом вечных мук посещать богослужения, совершаемые непокорными, “чтоб не желающие исправиться из любви к Богу и уважения к святости своего сана – исправились в силу народных порицаний и стыда перед прихожанами”.

Строгие постановления против симонии вызывали сочувствие, и никто не дерзал отстаивать эту гнусную язву, разъедавшую церковь. Не то было с безбрачием: здесь начинания Григория повсеместно встретили стойкое сопротивление. Во Франции, на парижском соборе, епископы, аббаты и клирики решили не повиноваться приказаниям папы относительно женатых священников – ввиду их непригодности и невыполнимости. Один только монах попробовал сказать несколько слов в защиту папских предписаний. Но духовенство вытащило его из собора, избило, оплевало, подвергло всевозможным оскорблениям, и только вмешательство мирян спасло смельчака от окончательной гибели. На руанском соборе клирики каменьями выгнали епископа, осмелившегося заявить о необходимости, под угрозой анафемы, безбрачия для священнослужителей. В Пуатье собор был разогнан графом, не желавшим терпеть вмешательства Рима в брачные отношения.

В Англии, на винчестерском соборе, постановления Григория были приняты с существенными ограничениями: никого не принуждали к разлуке с женами.

В Германии, где духовенство искони имело жен,

сопротивление нашло свое высшее выражение. В Пассау клирики заявили, что не могут и не желают отступать от старинного обычая. Епископ вздумал настаивать на исполнении предписаний, и его избили до полусмерти. Собор в Эрфурте, созванный для введения безбрачия, закончился полнейшей неудачей. Здесь Григория громогласно называли еретиком, последователем безумного учения, забывшим слова Евангелия: “Не все могут вместить слово сие: могущий вместить, да вместит”, и изречение апостола: “Кто не может воздержаться, пусть женится; лучше жениться, чем разжигаться”. Другие вопили, что Григорий силой хочет заставить людей жить наподобие ангелов и, отрицая коренные потребности природы человеческой, отворяет дверь распутству и разврату. Третьи заявляли, что предпочитают отказаться от санов священнических, чем от уз супружеских, – достанет ли только папа, которому омерзительны люди, ангелов для управления церковью? Все возражения и ссылки на необходимость повиновения воле духовного главы еще более раздражали клир. Собор закончился дикой вспышкой страстей, так что примас Германии едва спасся от ярости своих подчиненных. Григорий, получив от него известие о таком печальном обороте дела, отдал новое предписание примасу провести безбрачие в Германии во что бы то ни стало. Созван был собор в Майнце. Здесь опять с трудом удалось спасти жизнь сторонников Рима. Зигфрид поспешил заявить папе, что не может исполнить его требование и предоставляет ему расправляться как угодно. Тогда Григорий выдвинул то средство, которое уже почти совершенно искоренило дух неповиновения в Италии. Он обратился к совести мирян. Легаты апостольского трона и множество бродячих монахов наводнили Германию для проведения безбрачия. Им папа настрого приказал всюду проповедовать, что благословение женатых священников равносильно проклятию, а совершаемые ими таинства ведут к вечной гибели. Также он запрещал мирянам в окружных посланиях, под страхом адских мучений, сохранять даже клятвенную верность всем противникам римских предписаний: властью св. Петра Григорий освобождал от подчинения непокорным, обещал своим сторонникам прощение грехов и загробное блаженство. Средство и тут подействовало: “стыд перед мирянами и народные порицания” побудили немногих, впрочем, клириков искренне отречься от брачных уз; другие последовали их примеру, желая прослыть святыми подвижниками; большинство или заменило семейный кров беззаконными связями, или тайком поддерживало сношения с прежней семьей. Зато страсти мирян, не сдерживаемые должным уважением к

священническому сану, разыгрывались все сильнее: многих священнослужителей насильно разлучали с женами и детьми, лишали всяких средств к жизни, увечили самым варварским образом. Правый и виноватый подчас несли одинаковую кару. Разгул не знал пределов, даже устои веры были поколеблены. Миряне спорили о таинствах, оскверняли их: крестили младенцев, употребляя серу из ушей вместо елея при помазании; попирали ногами святые дары и прочее. В довершение несчастий в некоторых местностях духовенство, сильное связями со знатью, стало отвечать насилиями на насилия: одного не в меру усердного ревнителя сожгли живым. Пожары и убийства стали явлениями заурядными. Проклятия разоренных семей, отцов, разлученных с детьми, стоны умирающих, угрозы мстителей сыпались на главу Григория, а он оставался непоколебимым и за малейшее неповиновение карал отрешением от сана, громил отлучениями. Мало-помалу Рим одолевал, так как папа действовал сообразно религиозному настроению времени и миряне сочувствовали его начинаниям, а страх перед загробными и вечными мучениями устранял всякое колебание. Попытки противников путем летучих сочинений поколебать в основании требование безбрачия ссылками на святое писание и потребности человеческой природы возымели было некоторый успех, но ненадолго.

Паписты выпустили свой анализ данных за и против распоряжений Рима и с не меньшим остроумием и знанием дела опровергли делаемые возражения. Григорий вмешивался в эту борьбу окружными посланиями, где доказывал сообразность своих предписаний с духом Евангелия, и соборными постановлениями о предании пламени всех сочинений противной стороны. Таким образом, папа посягал уже на свободу мысли, убивал зарождающееся умственное брожение, устраняя одно из звеньев цепи, приковывающей церковь к миру.

Но запрещение браков духовенства и симонии не завершало преобразовательных стремлений Григория: до полной свободы церкви было еще далеко, так как замещение духовных должностей и санов находилось в зависимости от влияния мирян. Эта зависимость коренилась в самой глубине средневековой жизни. Дело в том, что в западной Европе издавна установился обычай так называемой инвеституры духовных сановников мирянами. Инвеститура состояла, как известно, в символической передаче церковных имений и связанных с ними привилегий епископам, аббатам и другим прелатам и в утверждении их во владетельных правах. Этой мерой светская власть оставляла за собой верховные права на различное земельное имущество,

подаренное в разное время церкви и обнимавшее в общей сложности громадную площадь, равную целой трети земель Запада. За пользование этими землями духовенство несло известные повинности и даже как бы отбывало военную службу, выступая, в случае войны, в поход во главе отрядов, собранных с церковных владений. При господствовавшем тогда феодальном строе право инвеституры служило для королей оплотом и основой их могущества, давая им необходимую военную силу для укрощения буйных и непокорных светских вассалов. Поэтому на высшие духовные должности получали инвеституру только лица надежные и близкие королям. С другой стороны, инвеститура содействовала симонии, так как иногда короли давали кольцо и посох за деньги и зачастую награждали епископствами и аббатствами за оказанные им услуги. Само собой понятно, что Григорий VII не мог мириться с подобными порядками: простая последовательность требовала устранения светской инвеституры, так как она, по выражению Григория, была “дверью симонии и подчиняла церковь государству, связывая ее с миром”. Кроме того, сама передача посоха, символа пастырской власти над душами, и кольца, символа обручения пастыря с церковью, ему вверенной, по толкованию известного кардинала Гумберта, давала в руки мирян власть ставить пастырей, что было делом исключительно духовным: само посвящение не значило ничего, если мирянин не давал инвеституры. Против такого вмешательства мирян в права церкви и восстал Григорий: “Мы желаем, – пишет он, – возобновить то, что находится в пренебрежении в силу нечестивого обычая; мы хотим, чтоб при назначении епископов прежде всего соблюдались требования св. Евангелия и канонов, по которым церкви должны быть освобождены из рук мирян и подчинены епископской власти. Таково наше желание, таков наш идеал, таково, пока буду жив, мое неустанное стремление”. Первый открытый шаг против инвеституры Григорий сделал на римском соборе 1075 года, издав запрещение принимать ее (инвеституру) от светских владетелей под угрозой отлучения, приказав прихожанам не почитать назначенных мирянами пастырей, не посещать совершаемых ими богослужений, не оказывать им ни малейшего повиновения: право на замещение духовных мест и власть над церковным имуществом находятся в руках папы. Для доказательства своих верховных полномочий Григорий выдвинул на первый план полное отрицание за светскими князьями прав собственности на земли, которые так или иначе, с большими или меньшими натяжками, можно было объявить собственностью св. Петра: “Что раз, по божьей воле и закону справедливости, –

пишет папа, – поступило во владение церкви, пока будет существовать, не может быть отторгнуто от нее", и ее права должно восстановить, несмотря ни на какие препятствия. Развивая последовательно это положение, Григорий стремился к господству над всем миром: он объявил *Испанию* собственностью св. Петра, "так как она обращена в христианство посланными Петром и Павлом диаконами, а потому верные сыны церкви, непрестанно помышляющие о вечном блаженстве, должны отнять ее у неверных и править ею, как ленники св. Петра".

"Сардинцы должны стать, – пишет им Григорий, – в прежние отношения к матери всех церквей, так как их предки подчинялись Риму и только по небрежности наших предшественников эта связь ослабела".

Жителям *Корсики* папа приказывал "помнить, что их остров не подлежит власти кого-либо из смертных, но только святой римской церкви". Граф соседнего *Прованса* дал ленную присягу Григорию VII и всем его преемникам, Гизульф *Салернский,* Ландульф *Беневентский* признали безусловную зависимость от римского первосвященника; Ричард "милостью Бога и св. Петра князь *Капуанский* поклялся защищать царственные права св. Петра и его владения, помогая своему государю папе Григорию против всех людей". Самый сильный владетель южной Италии Роберт Коварный, герцог *Апулии, Калабрии и Сицилии,* вел войну с неверными под знаменем св. Петра, "которому принес присягу, так как ему вверены все царства мира". Мелкие бароны Южной, Средней и Северной *Италии* дрожали перед Григорием и были его слугами; в *Милане* господствовал верный Риму Эрлембольд, в *Тоскане* правили Матильда с матерью, эти "самые преданные дочери святого Престола"; *Венеция* пользовалась особенным покровительством Григория, герцог *Далмации* признал себя ленником Григория, провозгласившего его королем, и обязался вносить в римскую казну по 266 византийских червонцев ежегодно. Даже царь *Сарацин* и *африканские* христиане присылали в Рим на посвящение своих епископов, знаменуя тем самым свою духовную зависимость от папы.

Таким образом, все земли, омываемые Средиземным морем, так или иначе находились под властью Григория. Не довольствуясь этим, папа устремлял свои взоры на страны отдаленного Востока. Он заводил с *византийским* императором речь о единении церквей под главенством Рима, доказывал ему необходимость дать общий отпор грозно надвигавшемуся мусульманству. Для этой цели он призывал со всего Запада верных св. Петру и думал, во главе значительных сил, дойти до Гроба Господня. Этот замысел уже содержит то зерно, из которого

выросло через несколько лет крестовое движение. Даже *Арменшю* Григорий стремился ввести в круг своего влияния, обращаясь к ее епископам с пастырскими наставлениями и увещаниями. Но по причине отдаленности и стойкого упорства греков притязания папы на главенство над Востоком не нашли своего осуществления.

Северные окраины Европы привлекали также внимание Григория. Он завел деятельные сношения с королями *Швеции* и *Норвегии,* внушая им мысль о необходимости иметь пастырей из Рима и стараясь пробудить стремление к независимости их церквей от власти немецкого примаса. *Датскому* же королю Свену папа помог основать особую митрополию, в дела которой не смел вмешиваться никто, кроме папы, которому король должен был вверить свое царство и оказывать содействие людьми и деньгами. Даже славянские земли не избежали участи своих соседей, и от них Григорий желал покорности святому престолу.

Из них первой обратила на себя его внимание *Богемия,* где раздоры в княжеской семье послужили удобным поводом для вмешательства папы. Пользуясь обстоятельствами, он всячески старался изъять Чехию из-под ведома немецкого примаса и подчинить ее непосредственно Риму, куда Вратислав, князь Чешский, обещал вносить сто фунтов серебра в виде почетной дани. Освободившись, однако, от уз немецкой зависимости, Вратислав стал готовить восстановление греко-славянского богослужения в своей стране. Но об этом проведал Григорий и написал грозное письмо: “Не без основания угодно было всемогущему Богу, чтобы священное писание не было общим достоянием: если бы оно было доступно всему миру, то в конце концов к нему потеряли бы уважение и оно, будучи неправильно истолковано, повело бы к заблуждениям. Поэтому мы запрещаем, в силу полномочий св. Петра, совершение богослужения на славянском языке и предписываем тебе всеми силами противиться этой нелепости”.

Такой же точно политики придерживался Григорий и по отношению к *Польше,* князю которой содействовал в принятии королевского титула. За его покорность и подарки он учредил в Польше митрополию, подчиненную только Риму. Исполняя, однако, желания польского короля, Григорий при удобном случае старался дать ему понять его зависимое положение; так, он обратился к нему с порицанием за насилие над русским князем Изяславом и требовал возвращения последнему отнятых унего сокровищ. Когда же сын Изяслава обратился к папе за помощью против своего брата, то Григорий поспешил втянуть и *Россию* в число ленных земель, отдав просителю “русское государство как

дар милости св. Петра". И *Венгрия,* где кипела кровавая борьба между двумя претендентами на корону, шурином короля Генриха и представителем национальной партии, была объявлена Григорием "собственностью святой римской церкви, так как Стефан некогда даровал ее св. Петру и вверил ему все свои верховные права; сверх того, блаженной памяти император Генрих завоевал это государство во славу св. Петра, которому передал венгерскую корону и священное копье в благодарность за столь славное торжество свое". Поэтому шурин Генриха, взяв Венгрию в лен от германского короля, "нарушил права и отверг власть св. Петра", за то и должен был лишиться, по приговору Григория, короны; а его соперник, Гейза, получил благословение апостольского наместника. "Мы полагаем, – пишет Гейзе папа, – что венгерскому королевству, *как и другим славнейшим государствам, подобает* пользоваться полной свободой и самостоятельностью, не *находиться в подчинении* какому-нибудь королю, а *только святой и вселенской матери церкви,* которая не обращается с подданными как с рабами, но всех принимает как сыновей. Так как твой сродник кощунственно получил корону не от римского первосвященника, но от короля германского, то божественный приговор и положил предел его господству".

В этом письме наиболее ясно сказывается желание папы быть светским главой мира, непризнание власти которого ведет к падению, – тогда как в действительности Григорий переделывал историю, которая сохранила на своих скрижалях свидетельства исконной ленной зависимости Венгрии от державной власти ее победителей, германских императоров. То же стремление обнаружил Григорий и в обращении с мелкими французскими владетелями, уже при Александре II сделавшимися ленниками святого престола: папа прямо обращался к ним с предписаниями, требуя войска, денег и покорности от Вильгельма *Бургундского,* графа Раймунда *Тулузского,* Амедея *Туринского,* Вильгельма *Аквитанского* и других второстепенных графов и баронов. Столь же далеко заходил Григорий в отношениях к *французскому* королю Филиппу. От него папа требовал искоренения симонии, грозя, в противном случае, что "французы, пораженные мечом отлучения, наверно откажут ему в повиновении, если только не предпочтут отвергнуть веру Христову". Полную чашу своего гнева Григорий излил на Филиппа, когда тот не внял римским требованиям: "По наущению дьявола, – пишет папа французским епископам, – главой и виновником пожаров, разврата, святотатств, клятвопреступлений, убийств, грабежей и расхищения церквей является король ваш, которого следует скорее назвать тираном. Он запятнал весь свой век злодеяниями

и позорными делами; жалкий и несчастный, он не сумел удержать бразды правления, позволил подвластному народу предаваться преступлениям и собственным примером побуждал к тому, что зазорно делать и даже говорить. Он, чего не делал даже в сказках ни один король, подобно настоящему разбойнику, собрал большие деньги с итальянских купцов, прибывших для торговли во Францию. Тот, кому подобает быть защитником законов и справедливости, оказался наибольшим хищником". Далее следуют упреки епископам "за соучастие и попустительство хищениям волка, забравшегося в стадо христово" и требование наставить короля на путь истинный; в случае непослушания Филиппа папа предписывал запретить по всей Франции совершение богослужений и отправление треб, избегать общения с королем, не повиноваться ему. "Если же он не пожелает одуматься вследствие этого наказания, тогда не будет ни для кого тайной, что мы попытаемся всеми способами с Божьей помощью вырвать государство французское из его владения и в случае вашего неповиновения лишим вас епископских санов". С таким же требованием неподчинения законному королю Григорий обратился и к светским вассалам Филиппа. В то же время папа хотел получать с Франции ежегодную подать – "динарий св. Петра", предписывая, чтоб каждый дом платил св. Петру по крайней мере один динарий в год, так как этого требовал древний обычай, установленный еще Карлом Великим.

Однако отлучение Филиппа и угрозы Григория остались без особенных последствий, так как французское духовенство и знать, вообще сочувствовавшая делу церковных преобразований, не поддержали притязаний папы на верховное господство и не позволили ему распоряжаться по своему усмотрению во Франции.

Подобная неудача постигла Григория и в *Англии.* Вскоре после своего избрания Григорий, жалуясь на безотрадное состояние церкви и свое опасное положение, просил Вильгельма "присылать в Рим должную подать в пользу св. Петра, которому король обязан многим", и предписывал английским епископам явиться на римский собор. Вильгельм, "славнейший король и единственный сын святой римской церкви", запретил, однако, своим епископам исполнить требование папы и решительно отказался платить просимую подать. Григорий, не желая наживать в могущественном владетеле опасного врага, не настаивал на своих требованиях и по-прежнему величал Вильгельма "перлом земных королей"; римские громы лишь слабыми раскатами доносились до далекой Британии, а норманнские копья и отнятое у туземцев золото могли при случае

оказать папе существенную услугу, тем более что он вступил вскоре в смертельную борьбу с германским королем Генрихом.

Дело в том, что, по господствующему в средние века мировоззрению, во главе тогдашнего мира, правда, только по имени, стоял наследник власти римских цезарей Германский император – верховный сюзерен всех королей, герцогов, графов, словом, всех светских владетелей, исповедующих христианскую веру. Стало быть, притязания папства в лице Григория на державное положение нарушали вековые права императорства и должны были вызвать неминуемое столкновение. Григорий, следуя строгой последовательности своего замысла, хотел сделать императора *германского* первым вассалом апостольского престола, причем даже коренные немецкие земли оказывались собственностью Рима: по словам Григория, “Карл Великий подарил всю *Саксонию* папам, с помощью которых ее завоевал”.

Таким образом, Григорий колебал все устои феодальной империи, стремясь поставить папство во главе светского общества, прежний повелитель которого должен был передать освященные седой стариной права римскому первосвященнику как наместнику Бога на земле. Но Григорий не довольствовался непрочной ленной зависимостью: он хотел быть полным хозяином Европы, а для этого нужна была осязательная сила. Ее предоставляло папе уже известное запрещение светской инвеституры.

Запрещение это образовывало государство в государстве и наносило тяжелый удар королевской власти, лишая ее опоры могущества, осуждало ее на покорность Риму, делая светских вассалов совершенно независимыми от своих королей. Конечно, ни один властитель не мог согласиться на подобное самоубийство: для каждого из них настала пора борьбы за существование, известной под именем спора за инвеституру. Главным борцом со стороны светских владетелей выступил германский король Генрих, наиболее задетый папой, так как вся власть наследника императорской короны покоилась на верховных правах над церковными землями и на союзе с епископами, которых он назначал. Вдобавок Григорий посягнул и на этот исконный союз немецких прелатов с их государем: он хотел полной покорности отдельных церквей Риму. Средством для достижения полного духовного главенства папа избрал помощь низших клириков, требуя от них принесения жалоб в Рим на различные церковные нестроения и злоупотребления епископов. Многие оговаривали невинных из личной мести; другие ставили условия своим начальникам, грозя в случае их непринятия доносом в Рим. Узы повиновения расшатались

повсеместно, и высшее духовенство в подавляющем большинстве было страшно озлоблено против Григория, так как нередко следствие открывало лживость обвинений, которым папа полностью доверял. Во избежание подобных печальных случаев ему было необходимо знание всего, что происходит даже в отдаленнейших уголках мира. Для этой цели служили легаты: они через послов или письмами сообщали Григорию как можно чаще обо всех происшествиях в тех странах, куда были посланы. Нередко папа возлагал и на мирян обязанность следить за событиями и доносить об их ходе в Рим. Строжайшая тайна покрывала все эти сношения: Григорий, предпочитая не доверять бумаге своих заветных намерений, отдавал предписания в виде изустных поручений. Если необходимо было написать, то папа писал кратко; “только крайняя необходимость заставляет нас, – говорил он, – писать обширные письма”. Но и тогда суть поручений обыкновенно передавалась устно. Тем не менее сохранившиеся письма как нельзя лучше вводят в круг его деятельности и показывают, что наряду с мировыми вопросами ему приходилось уделять много времени сложным обязанностям пастыря. Он горько жаловался, что не имеет достаточно досуга для молитвы, которую привык совершать с глубочайшим благоговением и слезами; со всех концов христианского мира к нему обращались с запросами и недоумениями: женщины, покинутые мужьями, просили его о помощи; мужчины, вступившие в браки, запрещаемые церковью, либо хлопотали о разводе, либо молили не разбивать их семейного счастья. Папа должен был следить, чтоб сардинское духовенство брилось, карфагенские христиане почитали своего епископа, испанцы не впадали в уклонение от обычных форм богослужения, шотландцы не продавали своих жен, датчане не жгли своих ведьм. Все, неповинующиеся римскому первосвященнику, подлежали наказанию. Излюбленной карой Григория за большие и малые проступки была анафема, то есть отлучение от церкви: все его правление представляет собой их бесконечную цепь; почти все жители Франции, Италии и Германии навлекли на себя опасность отлучения, одни за свои провинности, другие за общение с виновными. Там, где не действовала анафема, Григорий прибегал к мечу, возмущению подданных и подчиненных, лишь бы заставить повиноваться воле Бога, выраженной его устами. Таковы были идеалы Григория и средства, выдвинутые им для их достижения. Не следует, однако, забывать, что, стремясь соединить в своем лице высшую духовную и светскую власть, Григорий раскрывал свои коренные стремления в тесной зависимости от общего хода и направления событий. Да и

средства его были пригодны лишь там, где обстоятельства подготовили для них благодарную почву. Это доказала вполне неудача его французской и английской политики. Иначе сложились дела в Германии, где победа была легче, достижимее, а торжество полнее, так как жертвой должен был стать наследник притязаний императорства на мировое главенство, борьба с которым наполняет собой почти все правление Григория.

Глава V. Непродолжительный мир и первое столкновение

Положение Генриха и его примирение с папой. – Противодействие германского духовенства. – Мечты о крестовом походе на Восток. – Болезнь папы. – Торжество Генриха над мятежниками. – Поражение патаров. – Общие осложнения. – Заговор против Григория. – Три миланских архиепископа. – Дело саксонских епископов. – Призыв короля на суд в Рим. – Покушение Ценция. – Вормский собор. – Обвинение Григория. – Низложение и отлучение Генриха. – Пророчество папы. – Зверство римлян

Германский император постоянно должен был бороться со стремлениями племенных герцогов к самостоятельности. Печальное время детства и молодости Генриха еще более усилило княжевластье. Последующие попытки короля смирить гнездо недовольных, Саксонию, постройкой крепких замков с надежными гарнизонами привели только к образованию обширного заговора, тайным главой которого явился шурин Генриха – Рудольф, герцог Швабский. Пламя мятежа быстро охватило почти всю Германию и побудило короля, желавшего покончить с внутренними врагами, искать примирения с папой, которому он отправил смиренное письмо, полное выражений покорности и раскаяния в общении с отлученными Александром II советниками и поддержке, оказанной миланцам. Григорий и сам склонен был к сближению с германским королем, так как норманны, с которыми у папы вышло крупное столкновение из-за церковных владений, заняли угрожающую позицию; вышедшая было за Готфрида Горбатого, Герцога Лотарингского (брак был обусловлен чисто политическими соображениями), Матильда, наставляемая папой “побороть в себе греховные стремления”, оставила мужа и старалась укрепить хорошие отношения между папой и своим родственником, германским королем. В этом же направлении действовала мать Генриха, Агнесса, и его крестный отец, клюнийский аббат Гуго. Все они подавали папе надежду на послушание еще молодого и неопытного короля советам и наставлениям Григория, который и сам готов был взять на себя роль его духовного отца и руководителя: “Если хорошие качества, – пишет папа, – благочестивая жизнь и искреннее религиозное чувство любого частного лица и незначительного князя служат к чести и пользе святой церкви, то тем большее значение имеют эти свойства у того, кто является главой мирян,

королем и, по милости Божией, будущим римским императором". В силу таких соображений Григорий отправил Генриху письмо, где просил не начинать братоубийственной войны до прибытия римских легатов, которые должны были произвести расследование и помочь правой стороне. Но в то же время папа написал и мятежникам, обещая содействовать им в случае их правоты. Король обиделся на то, что его поставили на одну доску с крамольниками и вмешивались во внутренние дела его королевства. Чтобы поправить дело, Григорий отправил в Германию мать Генриха и нескольких епископов. Они должны были содействовать прекращению неурядиц и проведению церковных преобразований. Король встретил посольство в Нюрнберге при значительном стечении духовенства и народа, принес покаяние за свое общение с отлученными: босиком и в грубой одежде вышел он навстречу послам, пал пред ними на колени и громко Исповедал грех свой, обещая исправиться и исполнять желания апостольского наместника. По совершении покаяния послы приступили было к созыванию собора для обнародования постановлений последнего (1074) римского собора. Но, несмотря на содействие Генриха, им не удалось осуществить свое намерение. Оно разбилось о противодействие германских епископов, заявивших, что легаты не смеют собирать собор в Германии помимо примаса немецкой церкви. Произошли бурные пререкания, и в конце концов послы возвратились домой ни с чем: мысль Григория о подчинении немецкой церкви Риму осталась неосуществленной.

Тем не менее Генрих заявил, "что хочет искоренить в своем государстве Симонову ересь и преодолеть путем всевозможных усилий застарелое распутство клириков". Григорий вызвал в Рим главных виновников неудачи посольства, а Генриху написал благодарственное письмо. Отсутствие решительных мер со стороны папы объясняется благоприятным оборотом византийских событий. Именно около этого времени константинопольский император обратился к папе за помощью, и Григорию улыбалось редкое счастье: далекие восточные народы подчинялись его власти, старинная рознь казалась забытой; ее место занимали любовь и согласие, и творцом всего этого является он, Гильдебранд, сын бедного ремесленника. По самым основным свойствам своей природы он не мог оставить просьбу императора без ответа: неудержимо охваченный каким-нибудь могучим желанием, Григорий весь отдавался ему, всеми силами стремился к его осуществлению; тонкий дальновидный ум великого политика уступал тогда место бурным порывам воображения; он предавался химерическим мечтам,

свойственным скорее фантазеру, забывшему о действительности. В эти, очень редкие, впрочем, минуты гениальный папа увлекался величавыми созданиями своего пламенного воображения и из-за далекого, казалось, упускал из виду близкое. Так и теперь он готов был бросить все и идти на помощь восточным христианам. “Я охвачен чрезмерною печалью и доведен до желания смерти, ибо предпочел бы положить душу свою за них, чем, не обращая на них никакого внимания, повелевать всем миром в угоду плоти”, – пишет папа Генриху, поручая ему в свое отсутствие римскую церковь и прося помощи против неверных. Но то, что могло воодушевить Григория, что сулило ему неслыханное торжество, не могло заставить народи Запада жертвовать всем для осуществления отвлеченной мысли о единстве церквей, откликнуться на приглашение папы помочь “заморским собратьям по вере”. Да и Генрих, занятый домашними делами, не захотел впутываться в далекое и мало интересное предприятие. Вообще как бы злой рок тяготел над этим величавым замыслом Григория: кое-как ему удалось собрать довольно значительное войско, но в нем поднялись раздоры, и оно разбрелось по домам. Сверх того, большая часть воинов, которых обещали выставить Матильда с матерью, мечтавшие сопутствовать папе в походе на далекий Восток, не явилась вследствие смут, охвативших их родину. Григорий пережил ужасное разочарование, и эта неудача сломила его здоровье. Несколько месяцев он был между жизнью и смертью. Болезнь эта не прошла бесследно. Неудача, вызвавшая ее, показала воочию всю слабость и непрочность ленной зависимости, всю невозможность для Григория быть понятым современниками, стремления которых не шли дальше легко выполнимого, близкого. “Светские владетели, – жаловался папа, – на словах покорные слуги, а на деле негодные и своекорыстные князья, вовсе не думающие об исполнении своих обещаний и обязательств”. Горькое сознание этого сделало Григория еще безжалостнее и беспощаднее. Теперь он уже непоколебимо стремился к полному подчинению светских властителей и прежде всего Генриха.

Однако германский король не терял времени: он быстрыми шагами шел к усилению и закреплению своей власти; ему удалось собрать против мятежных саксонцев силы всей Германии, раздраженной их святотатствами и нарушением покоя усопших. В кровавой битве при Гогенбурге (летом 1075 года) саксонцы потерпели жестокое поражение и вскоре принуждены были сдаться на милость победителя. Смирив мятежников, Генрих начал думать об императорской короне и старался поэтому поддерживать добрые отношения с папой, противодействуя

симонии и брачной жизни духовенства. Но немецкие епископы, призванные, как известно, на римский собор для суда, не исполнили приказания папы и старались посеять недоверие между ним и Генрихом. Старания эти привели к тому, что Григорий запретил светскую инвеституру и отлучил ближайших советников германского короля. Несмотря на запрещение, Генрих без ведома папы назначил нескольких епископов и аббатов и удержал отлученных при себе. Уже это вызвало охлаждение; но до явного разрыва все-таки было бы далеко, если бы Григорий не вмешался в то, что Генрих считал своим правом. Король хотел лишить санов крамольных саксонских епископов и обратился за помощью к папе. Григорий отвечал, что рассудит предварительно, какая из сторон права, и той окажет свое содействие.

Еще большее значение возымел ход итальянских событий: в Милане граждане положили конец патарии, вождь которой Эрлембальд пал со знаменем св. Петра в руке; его сторонники частью были перебиты, частью изувечены, частью изгнаны. Тогда же всколыхнулась и Ломбардия со своими епископами, которых Григорий чересчур часто поражал отлучениями: они утратили совершенно всякую боязнь перед этим наказанием. Во главе их стоял известный Виберт, отрешенный папой за несочувствие походу на Восток и противодействие увеличению папских владений за счет соседних епископов. Даже в Риме противники папы подняли голову, и виновником этого был сам Григорий. Он потребовал от римского духовенства строгого соблюдения своих постановлений о симонии и браках священников. Многие лишились своих мест. Это рассердило и римскую знать, имевшую обыкновение выдавать своих дочерей за священнослужителей. Далее, папа обуздал алчность кардиналов, начинавших совершать богослужение еще ночью для увеличения доходов, удалил из храма св. Петра ютившийся там сброд, обративший святыню в разбойничий вертеп. Все эти вполне справедливые распоряжения возбудили в сердцах многих римлян стремление положить предел замыслам неутомимого папы. Недовольные нашли себе предводителя в лице могущественного и уже известного Ценция. Он занимал крепкую башню у моста через Тибр и за проход брал деньги. Это самовольство побудило Григория принять свои меры: башня была разрушена. Ценций не унялся: воспользовавшись болезнью Григория, он подделал в свою пользу завещание одного своего родственника, отдавшего имущество римской церкви. Папа выздоровел, раскрыл преступление и подверг виновного барона мучительному наказанию: Ценция посадили в бочку, дно и бока которой были усеяны гвоздями, при малейшем движении впивавшимися в тело несчастного. Эта жестокость пробудила

сострадание в Матильде, и благодаря ее ходатайству барона выпустили на свободу. Он поклялся отомстить и стал готовиться к выполнению своей клятвы. Судьба послала ему надежного помощника в лице Гуго Белого. Этот кардинал считал Григория обязанным ему папской тиарой и не мог простить своей почетной ссылки в Испанию. Возвратившись оттуда, Гуго стал сеять крамолу, завязал переговоры с норманнами, восстанавливая их против незаконного папы, с жадностью ухватился за римские неурядицы, свел Ценция с Вибертом и ломбардскими епископами. Таким образом, в тиши зрел заговор против Григория, но его участники не начинали враждебных действий, боясь гнева германского короля. Впрочем, и при дворе Генриха работали участники заговора. Гуго употреблял все усилия, чтоб заронить в сердце герцога Готфрида ужасное подозрение: хитрый кардинал стал распускать позорные слухи о незаконной связи Матильды с Григорием. Оскорбленный Готфрид, по-видимому, начинал уже верить коварным наветам и все теснее сближался с королем. Грозные тучи собирались над головой Григория и сети заговора захватывали все большее пространство, когда миланские дела и жалобы саксонцев привели к первому открытому столкновению, сменившему непродолжительный и непрочный мир.

Дело в том, что, расправившись с патарией, миланцы обратились к королю с просьбой дать им пастыря, сообразно исконным обычаям. Генрих исполнил эту просьбу и назначил клирика Тедальда миланским архиепископом. Этим назначением Генрих выразил полное пренебрежение к запрещению светской инвеституры, не обратил никакого внимания на Атто, назначенного еще несколько лет назад Григорием, не исполнил своих обещаний и просьб папы. Вдобавок, как известно, еще до Тедальда Генрих дал инвеституру Готфриду. В Милане оказалось, таким образом, одновременно три архиепископа, к величайшему соблазну всех ревнителей церковных преобразований. Для неукротимого духом папы было слишком трудно сжиться с мыслью, что уже бывшая в его руках драгоценная добыча теперь почти безвозвратно ускользнула. Немудрено, что Григорий вышел из себя и разразился громовыми посланиями, требуя в них смирения и полной покорности от противников, а сторонников побуждая к новой борьбе. Тедальду же предлагал предоставить свое дело на рассмотрение римского собора, обещая признать его архиепископом, если только он примет свой сан не от короля, а от папы. “Проклят человек, надеющийся на человека, – писал Григорий Тедальду, – и доблесть королей и императоров, и все усилия смертных оказываются прахом и мякиной в сравнении с апостольскими полномочиями и всемогуществом Бога вышнего, а

потому тебе не подобает в преступном легкомыслии высокомерно восставать против заповедей Бога и св. апостолов, в надежде на помощь Генриха". Но ни просьбы, ни угрозы не подействовали: Тедальд был посвящен отлученными ломбардскими епископами.

Гнев Григория не знал границ, и он поспешил вмешательством в германские дела отплатить Генриху. Тайные письма саксонцев подали удобный и желанный повод: пленные саксонские епископы, которым грозило лишение санов, отправили папе жалобу на произвол и преступный образ жизни короля, "попиравшего, – по их словам, – все божеские и человеческие законы". Южногерманские герцоги, давно лелеявшие мечту об ослаблении власти Генриха, присоединили известие о том, что он начал уже противодействовать церковным преобразованиям. Действительно, им были приняты меры против зверств, творимых бродячими монахами и грубой чернью над женатыми священниками. Григорий, видя, что у него в Германии нет недостатка в союзниках, готовых с оружием в руках восстать против усиления королевской власти, решил вызвать Генриха на открытую борьбу, чтобы низринуть его с высоты могущества в пропасть глубочайшего унижения. С этой целью папа отправил к нему посольство с длинным письмом, где упрекал короля за общение с отлученными, за несдержанные обещания, за нарушение запрета на светскую инвеституру, напоминал о гордыне Саула и увещал к исправлению. Но гораздо важнее и оскорбительнее были устные поручения, данные, по обыкновению Григория, послам: им было поручено призвать Генриха к покаянию за прегрешения, "о которых омерзительно говорить", и передать ему требование папы – явиться в качестве подсудимого на ближайший римский собор; в случае неповиновения они должны были грозить анафемой и заявить, что "папа скорее пожертвует жизнью, чем оставит королевский венец на главе нераскаявшегося грешника".

Послы прибыли в Германию и в точности исполнили волю папы именно тогда, когда Генрих, упоенный недавним торжеством над своими смертельными врагами, провозгласил наследником малютку сына, хотя королевский германский престол был избирательным. Князья остались крайне недовольны этим шагом своего государя. Ожидания папы грозили сбыться с поразительной точностью. Впрочем, святой и непогрешимый отец не мог ошибаться в своих расчетах. Конечно, Генрих был страшно возмущен "наглым требованием" папы, поверившего "нелепым клеветам", пущенным злейшими врагами короля, постоянно умалявшего вековые права императорства, грозившего теперь отнять и саму корону. Была пора, и сравнительно недалекая,

когда императоры низлагали и судили пап. Теперь Григорий указывал, что роли переменились. Генрих не мог исполнить требование папы, если не хотел покрыть себя неизгладимым бесславием и позором. Верный заветам старины, он принял брошенный вызов, отдав приказание немецким епископам собраться в Вормсе к 24 января 1074 года, чтоб сообща положить предел непомерным притязаниям того, кто величал себя “рабом рабов божьих”.

Неизбежность разрыва понимали многие, и итальянские противники Григория начали действовать, как только приметили первые облака надвигающейся грозы: Ценций решил, что пробил давно желанный час мести. В Риме издавна существовал обычай, по которому в ночь под Рождество папа совершал всенощное богослужение в церкви св. Марии, лежавшей на окраине города. В сочельник 1075 года Григорий отправился туда с частью духовенства. Проливной дождь помешал стечению народа, и в храме было немного молящихся. Незаметно протекло время в молитвах и песнопениях, и уже папа приступил к совершению таинства причащения. Вдруг у входа раздался страшный шум; толпа, вооруженная с ног до головы, с обнаженными мечами ворвалась в церковь и стала разыскивать Григория. То был Ценций с товарищами. Крики и вопли сменили торжественные звуки гимнов; богослужение было прервано; папу легко узнали. Один из слуг Ценция занес над старцем меч и ранил в голову; струя алой крови обагрила подножие алтаря и драгоценные одежды первосвященника. С Григория сорвали ризы, били по щекам, связали и за волосы вытащили из храма. За оградой уже были приготовлены лошади, и злодей скрылся с пленником в своей крепкой башне. Здесь свирепый барон приставил кинжал к горлу папы и под страхом ужасных мук и немедленной смерти требовал от него богатых поместий и возвращения родового достояния – замка св. Ангела. Григорий и в эту страшную минуту сохранил спокойствие и величие: гордым презрением отвечал он на угрозы и оставался непреклонным. Даже оскорбления сожительниц наемников Ценция, осыпавших пленника грубой бранью и площадными ругательствами, втаптывавших в грязь его отношения со знатными женщинами, даже вид копий, направленных в его грудь, не заставили Григория пойти на уступки. Конечно, Ценций свободно мог увезти папу из Рима и передать его в руки ломбардских епископов, но жадность победила благоразумие: барон все еще надеялся добиться своего от раненного и истомленного старца.

Между тем бывшие на всенощной разнесли по всему городу весть об ужасном покушении; глухую тишину ночи прорезал гул

набата; встревоженные горожане высыпали на улицы и узнавали о случившемся; с зажженными факелами стали они разыскивать своего похищенного пастыря; милиция св. Петра заперла все выходы из города и силой оружия готова была помешать злодеям ускользнуть из Рима. Толпа все увеличивалась; со всех сторон стекались богатые и бедные, знатные и незнатные, мужчины и женщины; всех воодушевляло одно желание – наказать преступников за неслыханное святотатство, за осквернение святости великого праздника, храма и верховного пастыря. На рассвете с криками и воплями бросились на древний Капитолий, чтоб потолковать о необходимых мерах. В это время пронесся слух, что виновник черного дела вместе с захваченным папой находится в своей башне. Все повалили туда; гул голосов, требующих возмездия, наполнял воздух; лязг оружия смешивался со звуками боевых труб. Священники прервали богослужение, присоединились к толпе и своими речами еще больше волновали ее. Решено было взять силой притон злодея. Стенобитные орудия стали потрясать башню; началась ужасная сеча. Однако вскоре выяснилось, что Ценций не может выдержать напора неистовой толпы. Роли переменились: верная гибель угрожала не папе, а гордому барону, и Ценций пал к ногам пленного Григория, молил о прощении, о защите от народной ярости. Папа с величием заявил, что прощает свою личную обиду, но оскорбление святыни необходимо искупить покаянием и путешествием в Иерусалим. Ценций обещал все, так как стены стали подаваться под усилиями осаждающих. Тогда Григорий подошел к окну стал делать знаки, приглашая выборных войти в башню. Толпа поняла совершенно иначе; она подумала, что ее просят помочь как можно скорее. С удесятеренным мужеством бросились граждане на приступ, и спустя несколько мгновений в их руках был Ценций, а пленник получил свободу. Тысячи рук протянулись к святотатцу, чтоб воздать ему по заслугам. Папа остановил бурные порывы, с трудом смягчив ярость возбужденной толпы: барона отпустили живым и невредимым. С громким ликованием понесли теперь римляне обагренного кровью и измученного тревогами ночи старца в ту же самую церковь, откуда несколько часов тому назад его вырвали столь насильственным образом. Папа докончил прерванное богослужение, после чего приступил к суду над виновными: глава и зачинщик всего успел, однако, ускользнуть из города; поплатилось его имущество, частью разграбленное, частью обращенное в пепел; все уцелевшее объявлено было церковной собственностью. Только один воин, осмелившийся ранить папу, поплатился жизнью за свою дерзость. Остальные отделались покаянием.

Как часто бывает, насилие привлекло народные симпатии на сторону обиженного, и значение папы поднялось до небывалых размеров; теперь он мог рассчитывать на безусловную преданность римлян: кровь Григория, пролитая Ценцием, скрепила союз между населением и его духовным пастырем. Всюду, куда бы ни проникал слух о злодейском покушении, он вызывал чувство отвращения к палачу и сочувствие к жертве. Сама обстановка происшествия, величие папы в его почти безвыходном положении, мягкость наказания усиливали негодование на одного, увеличивали уважение к другому. Вообще, нелепая выходка Ценция вооружила и подтолкнула несколько мистически настроенное общество: в избавлении Григория усмотрели руку Божью, спасшую своего избранника; папу сравнивали с Христом, Ценция – с Иудой. умы теперь были на стороне Григория, и его противникам приходилось уже считаться с расположением толпы, перед которой ревностные поборники папы клеймили дело его врагов названием богопротивного.

При таких обстоятельствах в назначенное время собрался созванный Генрихом собор в Вормсе. Здесь главным обвинителем Григория выступил все тот же Гуго Белый, укорявший папу главным образом в нечистой и преступной связи с Матильдой и незаконности избрания. Из мирян наиболее выделялся, подле раздраженного Генриха, супруг Матильды, герцог Готфрид, своими огненными речами и могуществом поддерживающий смелое настроение съехавшегося на собор духовенства, и без того недовольного Григорием за его властные поползновения и строгие наказания. После непродолжительных совещаний, так как некоторые епископы изъявили сомнение в законности заочного суда и в подсудности собору римского первосвященника, все недоумения были устранены ссылкой на присягу, данную королю: Григорий был объявлен недостойным папского сана, и ему отказали в повиновении. “Ты, – гласит соборное постановление, написанное в виде письма от немецких епископов к “брату Гильдебранду”, – стремясь к безбожным новшествам, находил больше удовольствия в громком имени, чем в доброй славе, и обнаруживал неслыханное высокомерие. Ты раздувал пламя раздора в святой церкви своими лютыми шайками, которые рассылал в бешеном безумии по всем церквям Италии, Германии, Франции и Испании. Насколько от тебя зависело, ты отнял у епископов власть, данную им путем божественным, и отдал управление всеми церковными делами неистовой черни, а она никого не признает ни епископом, ни священником, кроме тех, кто нищенской угодливостью вымолит твое, гордец, согласие. Ты

хищнически приписываешь себе какую-то новую и неподобающую власть, утверждая, что никто из нас, кроме тебя одного, не имеет власти помиловать виновного или наказать его. Ты нарушил клятву, данную в нашем присутствии императору Генриху, и навлек на себя анафему за несоблюдение избирательного закона Николая II. Ты грязью страшнейшего соблазна наполнил всю церковь, сожительствуя с чужою женой, и завел новый женский сенат, предписывающий законы церкви и миру. Ты называешь, обидно и несправедливо, епископов блудниками и сыновьями распутниц и применяешь к ним другие в высшей степени непристойные выражения. В силу всего этого, так как никто из нас, по неоднократным твоим заявлениям народу, не был в твоих глазах епископом, ты сам в свою очередь ни для кого из нас не будешь папою". Подписи всех присутствовавших на соборе епископов скрепляли это послание. Генрих также отправил "лжемонаху Гильдебранду" письмо, где упрекал его в гордой дерзости, в отнятии наследственной королевской чести и Италии, в оскорблениях и несправедливостях, причиненных епископам, в неблагодарности за оказываемое ему королем уважение и почтение, наконец, в угрозе отнять не только корону, но и жизнь. За все эти провинности Генрих, опираясь на древнее право, повелевал Григорию сойти с апостольского престола. Кроме того, король особым посланием увещевал верных римлян содействовать исполнению соборного решения, но "не проливать крови Гильдебранда, так как для него после низложения жизнь будет большим наказанием, чем смерть".

Нельзя не согласиться, что громадное большинство обвинений, выставленных на вормском соборе против Григория, было вполне основательно и справедливо. С точки зрения императорской партии, их было больше чем достаточно для отказа в повиновении недостойному папе, от которого требовали добровольного сложения присвоенного сана. Но необходимо было подумать и о возможном противодействии со стороны Григория. Готфрид брал все на себя, обещая к Троице проводить в Рим назначенного Генрихом папу и возложить на главу короля венец императорский. Собор разошелся в самом радужном настроении, а королевские послы полетели в Италию объявить волю своего государя и соборный приговор. Едва достигли они благословенных равнин Ломбардии, как тамошние епископы, исконные и непримиримые враги Григория, поспешили засвидетельствовать свою полную готовность присоединиться к решению немецких собратьев: на соборе в Плаценции все они клятвой на Евангелии скрепили отказ повиноваться Григорию. Но и послы Генриха, и высшие сановники Ломбардии боялись ехать в

Рим, чтобы возвестить папе его участь. Тогда клирик Роланд и один незначительный вассал приняли на себя исполнение столь опасного поручения и с большими деньгами направились в вечный город, куда тем временем собралось бесчисленное духовенство на обычный собор.

Как только смолкли звуки торжественного гимна, которым начинались соборные заседания, Роланд смело выступил на средину переполненной народом церкви и во всеуслышание обратился к Григорию: “Король и епископы приказали тебе оставить престол, которого ты не достоин”. Затем, пользуясь глубоким молчанием, смельчак обратился к собравшимся: “На Троицу король будет здесь, поэтому немедленно шлите к нему послов, чтоб получить из его рук нового папу, так как этот – не папа, а хищный волк”. Дерзкая, почти отчаянная смелость королевского посланца ошеломила сначала все собрание, никто не пытался даже остановить его; только при последних словах первым очнулся кардинал епископ Иоанн и задыхающимся от негодования голосом отдал приказание схватить наглого оскорбителя. Римский префект и толпа присутствовавших мирян с обнаженными мечами бросились на Роланда и его товарища и нанесли им тяжкие оскорбления. Только своевременное вмешательство папы спасло их от неминуемой смерти. Вырвав несчастных из рук разъяренных римлян, Григорий посадил их у своих ног и постарался успокоить взволнованное собрание. С трудом добившись молчания, папа просил всех не возмущаться, воодушевил глубоко прочувствованной речью на борьбу с “врагами Господа” и поспешил закрыть заседание. Тяжелые думы лежали камнем на его сердце, когда он кидал пытливый взор в непроглядную даль будущего. Однако на другой день тревожные мысли уступили место непоколебимой твердости: из Германии пришли письма от нескольких епископов, где они просили прощения за свою дерзость и обещали впредь повиноваться римскому первосвященнику. Это ясно показывало, что враги не единодушны. Папа, уверенный теперь в своем торжестве, с новым мужеством открыл соборные заседания в присутствии множества духовенства и мирян, среди которых была и мать Генриха. Прежде всего прочитали письма короля и епископов. Страшное негодование охватило всех; раздались громкие голоса, требовавшие, чтобы папа обнажил духовный меч и поразил дерзких противников. Дружные приветствия встретили решение Григория, по которому главные виновники вормских постановлений – епископы лишались санов и причастия; остальным давалась отсрочка для принесения покаяния до 1 августа 1076 года. Но необходимо было покарать и Генриха. Тут

почти все хотели избежать крутых мер, но папа горел желанием дать миру небывалый пример и требовал самого строгого наказания. Делая столь необычный и неслыханный шаг, Григорий для успокоения недоумений прибегнул к необыкновенной форме, рассчитанной на религиозное настроение современников. Приговор над Генрихом был произнесен в виде молитвенного обращения к св. Петру: “Блаженный Петр, глава апостолов, преклони, молю, милосердое ухо твое к нам и услышь меня, раба твоего: я, ради чести и защиты твоей церкви, во имя всемогущего Бога и в силу твоей власти и полномочий, запрещаю королю Генриху управление всей Германией и Италией, так как он с неслыханной гордостью восстал против твоей церкви, и освобождаю всех христиан от уз клятвы, которую они дали или дадут ему, и запрещаю всем без исключения повиноваться ему как королю; справедливость требует, чтобы всякий стремящийся уменьшить честь твоей церкви утратил свою собственную. Сверх того, так как король пренебрег моими увещаниями и дерзнул произвести раскол в церкви, то я от твоего имени связываю его узами анафемы: да знают все народы и исповедают, что ты – Петр, и на этом камне Сын Бога живого построил церковь свою и врата ада не одолеют ее”.

Этот приговор был разослан по всем уголкам католического Запада вместе с окружным посланием, в котором Григорий призывал всех верных, во имя загробного блаженства, “доказать свою преданность святой церкви и апостолу Петру, обладающему ключами царства небесного”. Папа был уверен в правоте и торжестве своего дела, а потому, “полагаясь на божественную помощь”, обещал, в письменных и устных заявлениях, что “прежде чем пройдет праздник св. Петра, для всех станет яснее солнца, что Генрих отлучен самым справедливым образом”. Подобным же ободряющим обещанием Григорий закрыл римский собор. Но, не ограничиваясь словесными громами, папа прилагал все усилия для обеспечения за собой вооруженного содействия своих сторонников. Прежде всего он позаботился отрезать непостоянным римлянам все пути сближения с королем: в угоду диким страстям грубой толпы Григорий отдал в ее власть смелых послов Генриха, брошенных в тюрьму. Здесь их терзали голодом, холодом, жаждой, осыпали ударами, наконец предоставили на посмеяние черни.

Суровые нравы времени сказались с полной силой в тех насмешках и муках, какие выпали на долю послов, раздетых догола и водимых по улицам Рима... По замечанию просвещенной современницы, “подробный рассказ об этом бесчеловечном деле марает и перо, и бумагу”.

Такой угодливостью Григорий закрепил за собой расположение римлян. Но его было мало для предстоящей борьбы. Правда, Матильда решительно объявила, что, несмотря на огорчение, причиненное ей строгой карой Генриха, она всеми силами будет поддерживать наместника апостолов. Григорий не удовольствовался этим, начал заискивать перед норманнами, пробуждать угасшие силы патаров, требуя в то же время от епископов мелких итальянских народов вооруженной помощи. Таким образом, Григорий готов был вступить в бой с Генрихом во главе своих союзников. Но на этот раз кровавое столкновение было отсрочено оборотом германских событий.

Глава VI. Вынужденное примирение и окончательный разрыв

Новый мятеж в Германии. – Неудачи Генриха. – Пророчество оправдалось. – Вмешательство общественного мнения. – Решения Трибурского сейма. – Вырванное прощение. – Значение Каносского свидания. – Поповский король. – Ореол Григория меркнет. – Терзания папы. – Выжидательная политика. – Дело Беренгара и видения Григория. – Невыносимое положение. – Двойная игра. – Вторичное низложение Генриха. – Неудачные пророчества. – Общее недовольство Григорием и его отлучение. – Божий суд над Рудольфом

Между тем как ломбарды созвали новый собор в Павии и торжественно отлучили самого папу, в Германии разыгрались самые поразительные происшествия. Недаром Григорий полагал, что различием наказаний он внесет раздор во вражеский стан и разрешением подданных от присяги доставит Генриху дома неисчислимые хлопоты. Ожидания папы оправдались. Южногерманские герцоги, давние противники усиления королевской власти, постарались прикрыть измену покровом религии: они объявили, что отныне не признают отлученного Генриха королем. В довершение несчастья самый ярый противник папы и самый могущественный и верный сторонник Генриха, герцог Готфрид, пал жертвой тайных убийц, подосланных неведомо кем. Молва обвиняла Роберта Фландрского, с которым Григорий поддерживал дружеские сношения; паписты толковали о суде Божьем. Король отдал владения убитого своему малолетнему сыну. Эта мера усилила недовольство и опасения знати: семя, брошенное папой, упало на благодарную почву и все глубже пускало в ней корни. Тщетно Генрих пытался со своей стороны поразить Григория; епископы колебались исполнить волю своего государя и отплатить анафемой за анафему. Один только Вильгельм утрехтский отважился на этот крутой шаг и был жестоко наказан: молния сожгла собор, где он громогласно назвал папу “клятвопреступником, прелюбодеем и лжеепископом”. Вскоре затем смельчак внезапно умер. В народе поговаривали об ужасных обстоятельствах его смерти, усматривали в ней перст Божий; Григорий запретил предать его христианскому погребению и молиться за упокой его души. Многие в ужасе спешили покаянием и смирением искупить свою вину. Страх перед адскими муками отвращал сердца большинства от Генриха. Король, однако, не пал духом и назначил на Троицу

новый собор в Вормсе для вынесения окончательного приговора папе. Во все стороны Генрих отправил письма, жаловался в них на “монаха Гильдебранда, присвоившего, вопреки Божеским и человеческим законам, царскую и папскую власть”, приглашал сторонников на помощь. Новая неудача постигла начинания короля: из трех свидетелей клятвы, данной некогда Гильдебрандом Генриху III, один внезапно умер, а другой был схвачен и брошен в тюрьму папистами. Вести дело при одном свидетеле было противозаконно. Сознавая это, Генрих опять назначил собор на 29 июня 1076 года в Майнце. Папа в свою очередь не дремал, побуждая всех доказать верность св. Петру и его наместнику. Верность была доказана изменой своему государю: лица, которым Генрих вверил пленных главарей саксонского восстания, отпустили их в угоду Риму. Пламя мятежа опять охватило Саксонию. Королевский наместник стал во главе крамольников; счастье почти совершенно оставило Генриха: его вернейшие друзья и приверженцы поехали с повинной в Рим. Папа, довольный исполнением своего предсказания, простил всех, ограничившись требованием покорности своим повелениям. Свершив покаяние, Удо Трирский выпросил у Григория позволение беседами с королем обратить его на путь истинный. Этот преданный друг спешил возвратиться в Германию, чтобы отвратить Генриха от крутых мер, но не успел победить гнев, бушевавший в короле: на соборе в Майнце произнесено было торжественное осуждение Григория; но выбрать нового папу оказалось невозможно из-за малочисленности присутствующих. Ни ласки, ни награды, ни угрозы, ни наказания не действовали; даже прямые виновники вормского собора, в лице его председателя Зигфрида, подали руку помощи мятежникам и просили хлопотать пред папой о прощении. Южногерманские герцоги соединились с саксонцами и назначили имперский сейм в Трибуре для прекращения смуты, потрясающей государство. На Генриха со всех сторон надвигались грозные тучи, а тут еще папа, оставляя за собой право окончательного освящения выбора князей, заговорил об избрании нового короля, тем самым подливая масла в огонь. Дело Генриха казалось навсегда потерянным. Но чувство справедливости жило даже в ревностных приверженцах церковных преобразовании. Многие, главным образом жители городов, которым вообще покровительствовал Генрих, не одобряли поступка короля, но в то же время признавали, что и папа зашел в своем гневе слишком далеко, посягнул на Богом установленную власть, так как не имел права осуждать государство на ужасы безначалия, подрывая уважение к присяге, лишая короны лицо, облеченное ею по милости Неба.

Слова св. писания, высшего авторитета своего времени, приводили в опровержение притязаний Григория: апостол Петр сказал даже про Нерона “Царя чтите”. Появилось множество своего рода летучих листков и сочинений, где разбирали все доводы за и против, убеждение, что *оба* противника не правы, все более и более овладевало умами. Все не заинтересованные лично в дальнейшем ходе событий склонялись к тому, что для общего блага необходимо восстановить пошатнувшийся мир. Тщетно Григорий целым рядом окружных посланий пробовал доказать законность своего поведения: он встречал сильных противников, которые устраняли все доказательства папы, называли его нарушителем судебных законов, так как он сам и обвинял, и свидетельствовал, и судил. Смелые голоса обвиняли папу в пристрастии, Генриха в высокомерной дерзости. Среди общего брожения и разлада Клюни выступило посредником. Ходили слухи, что аббат клюнийский намеревается освободить Генриха от отлучения помимо папы. Но Григорий настаивал, чтобы за ним осталось право простить виновного, и под давлением общественного мнения неоднократно изъявлял полнейшую готовность примириться, как только Генрих принесет пред ним должное покаяние. Генрих со своей стороны под гнетом обстоятельств склонялся принять условия примирения. При таком положении дел состоялся Трибурский сейм (1076, осень), где епископы много спорили о праве папы отлучать императора и справедливости отлучения в данном случае, князья и герцоги хотели избрать нового короля, а послы папы заявляли о его желании прибыть в Германию для личного разбора столь запутанного дела. Немецкое духовенство и слышать не хотело об этой поездке; сторонники Генриха настаивали на немедленном снятии отлучения, так как годичное в нем пребывание вело за собой потерю сана. После долгих пререканий примирительное настроение превозмогло. Под влиянием Клюни решено было, чтоб Генрих исполнил желание папы, направился в Рим и принес должное покаяние до февраля 1077 года; если же он не будет принят в лоно церкви до истечения этого срока, князья избирают другого короля. Как бы ни поступил Генрих, папа приезжает в Германию для устранения неурядиц и прекращения смут. Король предписывал своим приверженцам искать примирения с папой, которому сам отправил письма, где обещал во всем сохранять должное повиновение и искупить свои проступки надлежащим исправлением и сердечным раскаянием. “Да и твоему святейшеству, – заканчивается послание, – следует не пренебрегать ходящими о тебе слухами, производящими соблазн в церкви, и по своей мудрости установить спокойствие как

церкви, так и государства”.

Ни имперская знать, ни папа не были довольны исходом сейма: князья свыклись уже с мыслью иметь на престоле своего ставленника, Григория же задел конец королевского послания, откуда ясно было, что Генрих не думает о безусловной покорности, намекает даже на клеветы, пущенные о папе его врагами. Но Григорий имел и утешение: ему льстила надежда прибыть в Германию и выступить в роли третейского судьи между королем и подданными, свести счеты с непокорным немецким духовенством, что неизбежно содействовало бы поднятию престижа апостольского престола. Зато князья опасались приезда папы и последующего неизбежного покаяния и прощения Генриха и решили помешать ему примириться с церковью до истечения роковой годовщины. С этой целью они заняли все проходы, ведущие в Италию, и медлили с высылкой папе необходимой свиты для безопасного путешествия. Однако король прозрел опасность и, проведя некоторое время в Шпейере в покаянии и молитве, обратился к Григорию с просьбой принять его при личном свидании в Италии в лоно церкви. Папа отказал, хотя Матильда просила дать согласие и всячески отговаривала от поездки в Германию. На все убеждения Григорий твердил, что “готов положить душу за овец стада своего подобно тому, как Христос пожертвовал кровью для спасения нашего”. Тем временем римские сторонники императорства начали волноваться, с норманнами произошел разрыв; папа принужден был, ввиду грозящей опасности, оставить Рим, но не покинул намерения ехать в Германию. Он все ждал оттуда благоприятных вестей, живя во владениях верной Матильды, недавно потерявшей мать, и старался утешить ее горе.

Генрих, проведав о положении дел в Италии и стараниях Матильды, решился добиться от папы снятия отлучения, вырвав у него прощение. Тайно от князей, со многими епископами и приверженцами, с женой и сыном предпринял он опасное зимнее путешествие по окольным дорогам через Альпы в Ломбардию, где и нашел самый восторженный прием: в короткое время его окружило значительное войско из ломбардов, мечтавших о низложении “безбожного человека”, столько лет громившего их своими отлучениями и разжигавшего пламя междоусобной войны. Испуганный внезапным появлением Генриха, папа поспешил укрыться в крепком замке Матильды – Каноссе, тем более что ходила молва, будто король хочет внезапным нападением захватить Григория и посадить на его место своего ставленника. Эти слухи вливали новое мужество во всех врагов папы, и они отовсюду стекались под королевские знамена.

Встрепенулся и Ценций: во время богослужения он схватил в самом храме св. Петра одного кардинала и с пленником поспешил к Генриху. Но молодой наследник императорского венца не питал коварных замыслов: в ушах его еще звучали увещания клюнийского аббата; кроме того, он не хотел открытой борьбой с папой дать предлог германским мятежникам к избранию нового короля; даже наиболее благоразумные ломбарды советовали ему добиться принятия в церковное лоно. В силу всех этих побуждений Генрих обратился к Матильде с просьбой замолвить словечко перед Григорием. Ходатайство марк-графини поддержали все окружающие папу, главным образом Гуго клюнийский и теща короля, уже давно осаждавшие своими мольбами непреклонного Григория. Сознавая опасность своего положения, Григорий вступил в переговоры об условиях прощения, но тянул всячески время, а годовщина отлучения была не за горами. Желая поскорее выяснить истинные намерения папы, Генрих, несмотря на суровую зиму, босиком и в одной власянице, с непокрытой головой явился под стены Каноссы и стал, проливая слезы, просить о прощении. Три дня тщетно стучал король со своими приближенными в ворота замка. Григорий оставался глух, чувствуя себя связанным с германскими герцогами, и твердил о своем непреложном решении отложить окончательный приговор до столь желанного собора в Германии. Кроме того, он показывал свое необычайное могущество множеству вельмож и епископов, съехавшихся в Каноссу из Франции, Бургундии, Италии и Германии: у его ног лежал побежденный духовным мечом могущественнейший государь своего времени. Папа хотел как можно глубже запечатлеть в сердцах всех свое торжество и на смиренные просьбы отвечал гордым отказом, хотя все присутствующие подавали свои голоса в пользу примирения. Видя, что ничто не помогает, король, успевший уже отморозить ноги, решил было удалиться и в союзе с отлученными ломбардами добиться восстановления своих прав, но перед отъездом еще раз прибегнул к Матильде и Гуго клюнийскому с просьбой устранить грозящий разрыв. Матильда и Гуго напомнили тогда Григорию, что он неоднократно в своих письмах обещал простить Генриха, если тот покается. Сознавая справедливость этого замечания, папа хотел, однако, еще более унизить противника. Он потребовал, чтоб Генрих лично поклялся соблюдать те условия, на каких ему дано будет прощение. Личная же клятва, по воззрениям того времени, считалась невозможной для королей, и само ее требование было неслыханным унижением. Даже Матильда вышла из себя и, по собственному признанию Григория, назвала его “необычайно жестоким и

высокомерным тираном". Григорий понял, что зашел слишком далеко, и сознал, что должен исполнить свои обещания, если только не хочет утратить величие верховного служителя Бога мира, любви и прощения. И вот папа заявляет, что довольствуется клятвой поручителей. Заскрипели тяжелые засовы, зазвенели мостовые цепи, и ворота замка отворились для несчастного короля, после того как аббат Гуго и два епископа дали клятву на Евангелии, что Генрих, если не помешают уважительные причины, в полной безопасности проводит папу или его легатов в Германию, чтобы там, по совету его или по приговору, примириться со своими противниками. Король, для которого Григорий превратил покаяние в унижение, проливал горькие слезы. За ним длинным рядом шли отлученные. Зрелище было величественно по своей необычайности. Многие из присутствующих заплакали навзрыд, когда Генрих пал ниц перед папой и молил о прощении. Даже железное сердце Григория дрогнуло, и на его ресницах блеснула слеза. Папа поспешно поднял короля, облобызал его и вместе с ним отправился в церковь, где прочитал разрешительные молитвы и принял отлученных в лоно церковное. Генрих вздохнул свободнее, но ненадолго. Неумолимый Григорий готовил ему еще унижение: перед причастием папа вышел в торжественном облачении на средину церкви, имея в руке святые дары, подозвал к себе Генриха вместе с остальными отлученными и, подчеркивая свое недоверие, обратился к нему со следующей речью: "Если ты приступаешь к святым дарам с добрыми намерениями и располагаешь сдержать свои обещания, остаться таким же смиренным и покорным, каким кажешься теперь, то да будет святое причастие тебе, как и апостолам, во спасение. Если же ты принимаешь вид голубя, а питаешь злобу змеи, то уподобишься Иуде и спричастием примешь и небесное осуждение". После окончания богослужения графиня пригласила гостей к столу, где Григорий сидел вместе с Генрихом и все увещал его избегать общения с отлученными и исполнить обещание. Получив благословение папы, король немедленно покинул роковой замок. Епископов Григорий задержал в Каноссе, требуя от них какой-то клятвы. Они отговаривались невозможностью сдержать ее и под покровом ночи тайком бежали к своему государю.

Так закончилось пресловутое, вошедшее на Западе в поговорку, Каносское свидание. Его значение современники понимали как отказ от обвинений с обеих сторон, возвращение папе его сана, королю его венца. Но в то же время здесь раскрылся характер Григория и определился весь ход дальнейшей борьбы. Каносса была зенитом его славы, и с нее началось его

падение: пред глазами всех папа показал, что земные страсти имеют для него больше значения, чем заповеди Всевышнего. Природная жестокость сказалась здесь во всей своей силе, сказалось и злорадство плебея, чванившегося унижением сына могущественнейшего императора. Не зная удержу в обуявших его страстях, папа перешел все границы и, унижая короля, только возвеличивал его: для всякого христианина смиренно кающийся король был неизмеримо выше заносчивого, беспощадного и непреклонного наместника Бога всепрощения. Ни епископы, ни светские владетели, униженные в лице своего повелителя, не могли забыть высокомерия Григория, и это впоследствии отвращало их от подчинения его гордому и самовластному духу. Горше всех, конечно, испил чашу Генрих. Но тем грубее была ошибка Григория: искренним и сердечным обращением он легко подчинил бы мягкого от природы и довольно податливого короля и навсегда сделал бы его своим верным сыном. Резкостью и явным желанием уронить достоинство побежденного Григорий нажил себе в нем непримиримого и смертельного врага, страшной нравственной пыткой пробудил в нем дремавшие силы, бодрость духа и энергию. После Каноссы Генрих существенно изменяется: он сознательно делается главой всех противников папы, ведет с ним смертельную борьбу, отстаивая права светских государей и общества на самобытное существование, на вольное развитие, становится в свою очередь поборником идеи будущего, идеи государственности, осуществление которой включает церковь в число членов государства, но не дает ей господства и власти. Правда, такой перелом произошел в Генрихе лишь постепенно, так как на первых порах вынужденное примирение связывало его действия. Но окончательный разрыв был лишь вопросом времени, потому что Григорий открыто говорил, что не чувствует себя связанным какими-либо обязательствами по отношению к Генриху, и поддерживал связи с его злейшими врагами. Так, сейчас же после примирения (28 января 1077 года) папа уведомил о нем своих германских союзников и поощрял их планы, хотя отлично знал, что они только и думают об избрании всеми правдами и неправдами другого короля. “Постарайтесь, – гласит послание к мятежникам, – придерживаться любви и справедливости, так как мы связали себя с королем, по своему обыкновению, лишь такими словесными обязательствами, исполнение которых не повлечет за собой душевной гибели. Я же непрестанно буду молиться Господу, настойчиво прося Его, чтоб Он утвердил верующие сердца ваши во всякой доблести, нужной для защиты свободы веры христианской и выполнения ваших планов, столь необходимых для прочности и славы вашего

государства. Продолжайте идти по прежнему пути, на который ступили ради вечного воздаяния, и получите венец от Бога за столь святую и богоугодную борьбу. Мы бы вам письменно сообщили гораздо больше, если бы не отправляли к вам легатов, которым можете верить без всяких колебаний, так как им ведомы все наши намерения".

Беря тайно под свое покровительство германских крамольников и обещая им содействие неба, Григорий внешне поддерживал дружественные сношения с королем, занятым приведением в порядок запущенных ломбардских дел. Епископы Ломбардии оставались по-прежнему во вражде с папой и старались посеять семена раздора между ним и Генрихом. Так, они устроили засаду Григорию и Матильде во время их совместного путешествия по Тоскане. Маркграфиня вовремя проведала об этом замысле и поспешно скрылась вместе с папой в стенах крепкой Каноссы. Этот случай подал Григорию повод обвинить Генриха "в пленении св. Петра" и отказать ему в просьбе самому или посредством отлученных епископов совершить обряд венчания ломбардской короной. Раздраженный отказом король обошелся без согласия папы, возбудив этим его неудовольствие. Оно усилилось еще более, когда Виберт торжественно похоронил внезапно умершего Ценция, "душа которого, – по словам патеров, – отправилась прямо в ад". В свою очередь, Генрих страшно негодовал на папу, который побудил Матильду завещать свои земли св. Петру, обойдя тем самым его – ближайшего наследника и родственника. Отношения уже значительно обострились, когда папа решительно потребовал от короля дать ему, сообразно каносским обещаниям, свободный пропуск в Германию, где князья тайком от Генриха назначили сейм в Форхгейме на 13 марта 1077 года. Король отвечал, что не может немедленно исполнить желание папы. Григорий послал тогда в Форхгейм своих легатов, облеченных чрезвычайными полномочиями. Прибыв на место назначения, легаты объявили собравшимся князьям и епископам, что папа просит, если возможно, подождать его прибытия; в противном случае полагается на их знание положения государства и не будет мешать их решению. Последовали споры, пререкания; легаты примиряли разногласия и руководили избранием. Выбор пал на Рудольфа, как известно, уже давно помышлявшего о короне.

Стремление обессилить королевскую власть ясно просматривается в условиях, на которых легаты скрепили выбор князей: Рудольф признал свой трон избирательным, не наследственным и отказался от инвеституры. Условия эти и поведение легатов ясно показывают, что Григорий создал новый

план для расширения своего влияния на Германию: он рассчитывал, натолкнув князей на избрание короля, выступить судьей между соперниками из-за королевского венца; покорность и смирение одного удержат за ним престол, другой погрузится в бездну унижения, – и папство станет неизмеримо выше всех светских государей. Легаты, как видно, блестяще выполнили свою задачу. Но это являлось лишь половиной дела: в глазах людей, не имевших личных счетов с Генрихом, он оставался законным королем, а решения Форхгеймского сейма были изменой. Все сторонники Генриха немедленно выступили против Рудольфа, и сам король поспешил из Италии за Альпы, чтоб личным присутствием поддержать своих приверженцев. Потоки крови, пожары и грабежи ожидали теперь Германию и Италию в угоду властным притязаниям Рима. Уже при коронации Рудольфа граждане Майнца устроили целое побоище; нигде “поповский” король, так прозвал народ Рудольфа, не находил себе надежной опоры; только саксонцы дали ему приют и силы для наступающей борьбы. Генрих в свою очередь собирался с силами. Папа вздумал воспользоваться минутным затишьем для выполнения своего плана: он отдал предписание легатам потребовать от обоих королей высылки свиты для его поездки в Германию. Непокорный подвергался отлучению вместе со своими приверженцами. “Кто из двух королей, – писал Григорий в Германию, – с благоговением примет решение св. Духа, произнесенное нашими устами, тот получит и нашу помощь, и повиновение народа”. Саксонцы были обижены этим вмешательством: им казалось, что папа достаточно ясно выразил свое согласие на форхгеймское избрание, лишавшее Генриха престола. Еще больше причин к негодованию имел Генрих, по мнению которого о двух “королях” не могло быть и речи, так как Рудольф был только мятежник. Поэтому обе стороны не отправили требуемой свиты, и Григорий, видя, что осуществление его плана затягивается, возвратился в Рим. Опираясь на свои законные права, Генрих отверг даже посредничество князей. Тогда легат папы громогласно произнес над ним отлучение, объявил Рудольфа единственно законным королем и приказал всем повиноваться ему. Таким образом, не прошло и года, как Генрих опять попал в число отщепенцев, что ухудшило его положение, увеличив число сторонников Рудольфа. Король немедленно отправил послов к Григорию с просьбой объявить отлучение легата недействительным. Противники, наоборот, молили папу признать шаг, сделанный его уполномоченным. Папа выслушал на соборе заявление послов Генриха и, сделав вид, будто раньше ничего не слышал о новой его анафеме, торжественно предоставил решение спора “королей”

съезду благомыслящих людей Германии. Приговор был обязателен для обеих сторон, и не признающие его карались отлучением. Послов Рудольфа Григорий принял тайком, и они возвратились ни с чем. Вообще соборные постановления на этот раз не отличались прежней беспощадной суровостью, только запрещение инвеституры было возобновлено, да и то в довольно мягких выражениях. Тем не менее надежды Рудольфа и его сторонников были обмануты, и они позволили себе в очень резких выражениях упрекать папу в нерешительности. “Мы, – гласит их послание Григорию, – темные люди, не в состоянии понять Ваших тайных намерений, но можем указать Вам, что из этого обнадеживания обеих сторон и затягивания уже решенного дела проистекают все ужасы междоусобной войны, неисчислимые злодейства, пожары, поругание церквей, бессилие церковных и гражданских законов. Благодаря борьбе двух государей, которых Вы одинаково обольщаете надеждами, королевские имущества расточаются, и нашим королям впредь придется существовать грабежом. Всему этому виной являетесь Вы, а подвергаете опасности нас, рискнувших на такое опасное дело единственно в силу Ваших предписаний. Поэтому идите по той дороге, по какой начали, и не сворачивайте то направо, то налево. Правда, из рвения к благу церкви Вы ступили на трудный путь, но поворачивать назад стыдно”. Нелегко было Григорию читать эти строки и видеть, что под давлением со стороны норманнов, грабящих церковные владения, и баронов, стремящихся следовать примеру Ценция, нельзя принять окончательное решение, не устранив навсегда надежды на верховное главенство, столь необходимое для общего блага.

Снова отчаяние закралось в его душу, и опять он излил свое горе в письме к клюнийскому аббату:

“Молите, – просит здесь папа Гуго, – милосердного и всемогущего Бога, чтоб Он направил наши намерения сообразно своей воле и привел к пристани, руководя нами в такую опасную минуту. Мы находимся в таком затруднении и нас подавляет такая громада забот, что наши присные не могут не только помочь, но и обозреть их. Хотя небесный глас глаголет: “Каждый получит награду сообразно трудам своим”, однако зачастую жить становится в тягость, а умереть плотью является страшным желаньем. Только бедный Иисус, как любвеобильный утешитель, простирает руку Свою на помощь мне, поддерживает и утешает меня в печали и горестях. Едва только Он покидает меня, вновь закрадывается угнетение в душу мою, ибо во мне царствует смерть, и только иногда я живу в Господе. Выбившись из сил, я с рыданием взываю к Нему: “Если бы Ты возложил такое бремя на

Моисея или Петра, они изнемогли бы под ним. Что же могу сделать я, недостойный даже сравнения с ними. Или Ты Сам должен управлять церковью вместе с Петром, или увидишь мое падение и ее гибель". Но я помню изречения "помилуй мя Боже, ибо я немощен" и "для многих я был как бы дивом; но Ты твердая надежда моя" и не забываю, что Бог может из камней сих воздвигнуть детей Аврааму".

Глубокая скорбь и несокрушимая надежда слышатся в этих словах. Грозное будущее оправдало опасения и терзания Григория, показав, что даже его сил и способностей мало для осуществления исполинского замысла. Развеяв тоску письмом к Гуго, папа снова погрузился в деятельность и окружными посланиями настоятельно требовал созыва собора для "исполнения решения, какое мы примем по приговору св. Духа". Все, мешающие съезду на собор, – "сыны дьявола и божьи враги, осужденные на вечную гибель, поэтому каждый верный сын церкви должен избегать общения с ними и не верить их праздной болтовне: сознательно я никогда не стану на сторону неправого дела и предпочитаю умереть для общего блага, чем завладеть славой всего мира для вашей гибели". Так заканчивалось наиболее распространенное из окружных посланий. Но, несмотря на все увещания и старания Григория, саксонцы решительно отказались исполнить его желание, считая собор бесполезным, так как Генрих отлучен уже легатом и корона передана Рудольфу. "Всякое колебание только увеличивает смуту, и если мы, благодаря вам, погибнем, то небо и земля засвидетельствуют, что гибель эта – вопиющая несправедливость", – писали они папе. С криком "св. Петр!" начали они военные действия. На стороне Генриха были горожане и крестьяне, расположенные к нему за его стремление к обузданию произвола знати; под знаменами Рудольфа находилось большинство вельмож, опытных в военном деле, поэтому "поповский король" не приобрел решительного перевеса только благодаря воинским талантам своего противника; зато попадавшиеся в плен крестьяне жестоко платились за свою дерзость: их обыкновенно скопили, а жилища и хлеб предавали пламени. Чехи, составлявшие ядро войск Генриха, вели себя не лучше; они позорили женщин, оскверняли храмы, превращая их в конюшни и вертепы разврата. Один герцог сошел с ума, видя кругом зловещее зарево пожаров, слыша вопли избиваемого населения. Обе стороны вели войну с ужасной жестокостью, но ни одна не могла окончательно одолеть другую. Ввиду этого после нескольких месяцев упорной борьбы противники опять обратились к папе за решением своей распри.

Пока в Германии шла резня, Григорий успел упрочить свое

положение в Италии: один из норманнских князей перед смертью испугался отлучения и возвратил захваченные церковные владения. Из-за оставшегося наследства завязалось соперничество, перешедшее в открытый раздор. Тыл был обеспечен, и Григорий мог теперь обратить внимание на германские дела. Для их устроения был созван новый собор. Насколько папа сделался прежним Григорием, зорко вперяющим взоры во все страны тогдашнего мира, показывают отлучение византийского императора Никифора за противный канонам брак с женой Михаила, лишенного престола, и защита Беренгара от его ярых врагов, равно как целый ряд постановлений, относящихся к церковным имуществам, инвеституре, симонии и различным спорным вопросам церковного права. Отлучений по-прежнему было множество. Но в деле Генриха и Рудольфа папа остался на прежних, выжидательных, позициях, сделав, впрочем, шаг в пользу Рудольфа; теперь на соборе были выслушаны жалобы *обоих* посольств, и их окончательный разбор отложен до собора следующего года. В Германию опять отправили легатов, а на Генриха возложили, сообразно каносским обещаниям, обязанность доставить им необходимую для безопасности свиту. Папа выжидал, на чью долю выпадет решительная военная удача, но косвенно уже нападал на Генриха, проигравшего значительное сражение: просьбы выгнанных им мятежных епископов “помочь церкви, имущества которой подвержены разграблению волков, и помнить, что бездействие папы не найдет перед Вечным Судьей извинения”, были уважены – собор произнес анафему над всеми, кто только посмеет посягнуть на церковную собственность.

Опять и Генрих, и Рудольф были недовольны новой проволочкой, и первый стал говорить, что лучше всего обойтись без папского вмешательства. За словом последовало дело: он открыл переговоры с отдельными восставшими владетелями и успел некоторых из них склонить на свою сторону. Такое поведение Генриха заметно повлияло на решения следующего римского собора. Здесь прежде всего разобрано было дело известного Беренгара. Папа употреблял все усилия, чтоб замять его, не считая учения Беренгара еретическим: Григорий утверждал, что в этом его убедила, послав ночное видение, сама Пресвятая Дева. Немудрено поэтому, что Беренгар отделался лишь произнесением неопределенной формулы, которую и не замедлили толковать вкривь и вкось, а Григорий отлучил всех, кто осмелился причинить какой-либо ущерб Беренгару или даже назвать его еретиком. Больше забот доставила германская смута: послы Рудольфа и папский легат, проскользнувшие в Италию, рассказывали ужасы про Генриха, до сих пор не прислaвшего

требуемой свиты. Разгневанный папа во всеуслышание назвал все его обещания “лживыми”. Уже ревнители дела “поповского короля” громко требовали на соборных заседаниях отлучения непокорного. Григорий ограничился новой отсрочкой. Подобное поведение вызывалось новым планом, созревшим в хитроумной голове папы: из его писем видно, что он лелеял мысль признать обоих королей законными, разделив Германию на две вполне самостоятельные части, повелители которых должны были признать наместника апостолов своим верховным главой. Так неуклонно преследовал свой идеал Григорий VII, прибегая даже к двуличию: он написал “королю Рудольфу” милостивое письмо, где огненными словами побуждал продолжать “борьбу за свободу церкви и свою собственную”, обещая свою помощь и содействие неба, и в то же время отправил посольство к “королю Генриху”, уверяя, что по-прежнему идет стезею правды, прося свиты, восстановления изгнанных епископов и созвания сейма, который утишил бы бурю. За повиновение сулил награду в этой и будущей жизни. Таким образом, Григорий одной рукой бросал искры в бочку с порохом, другую протягивал с мирными предложениями. Отправленное папой посольство привело лишь к тому, что один его легат стал на сторону Генриха, другой защищал Рудольфа, а оба были подкуплены соперниками. Поведение легатов подрывало всякое доверие к Риму, вызывало заслуженные упреки и насмешки. К тому же положение дел в Германии стало просто невыносимым: почти в каждом городе было по два епископа, в герцогстве – по два герцога, в графстве – по два графа. Один защищал Рудольфа, другой – Генриха. Папа благодаря своим постоянным колебаниям постепенно утрачивал нравственное обаяние, и вмешательство имперских князей грозило исторгнуть из его рук окончательный приговор. Григорий не мог долее медлить: проволочки надоели всем и вызывали лишь раздражение. Генрих узнал о коварстве папы и решил вынудить его сделать решительный шаг: в Рим он отправил послов с поручением потребовать от папы отлучения Рудольфа и грозить низложением, если Григорий опять начнет хитрыми уловками и увертками поддерживать крамольников. Да и Рудольф “во имя Бога” настаивал на прекращении двойной игры и молил помочь своим союзникам в борьбе, начатой по воле папы. Даже Пресвятая Дева, по словам Григория, укоряла его в медленности, и Григорий произнес решительное слово, как только узнал о поражении, нанесенном Генриху мятежниками. На соборе 1080 года Григорий заявил, что настал день, указанный ему для вторичного отлучения врага церкви. Длинным рядом анафем и строжайшим запрещением светской инвеституры начались соборные

заседания. Потом папа приступил к разбору спора за германскую корону. Послам Рудольфа позволили пропеть их вечную песню о жестокостях безбожного короля. Противной стороне не дали вымолвить ни слова, угрожая немедленной смертью. Свое решение папа по-прежнему обнародовал в форме молитвенного обращения к св. Петру и Павлу. Здесь Григорий кратко и не совсем точно описывал свою жизнь, борьбу с нечестивцами и их главой Генрихом и объявлял его в конце концов вторично низложенным и отлученным, а сторонникам Рудольфа обещал от имени апостола вечную жизнь и прощение грехов. Приговор завершался следующим глубоко знаменательным исповеданием задушевных стремлений и побуждений Григория: “Святейшие отцы и князья апостолов! Ныне молю вас, да уразумеет весь мир, что вы можете вязать и решать на небе, можете и на земле отнимать сан императорский, королевский, княжеский, герцогский, маркграфский, графский и владения *всех* людей и вручать их достойным, ибо вы неоднократно отнимали у недостойных и дурных лиц сан патриарший, примасский, архиепископский, епископский и даровали его мужам богобоязненным. Если же вы судите духовные дела, то что же думать о вашей власти в мирских! И если вы будете судить ангелов, повелевающих всеми гордыми князьями, что можете сделать над их рабами! Да познают ныне все цари и все светские владетели, какова ваша сила, какова мощь, и да устрашатся презреть повеления церкви вашей. Совершите же поскорее свой суд над Генрихом, чтобы все знали, что он гибнет не случайно, но по власти вашей”.

Стало быть, Григорий сказал свое последнее слово, дошел уже до отрицания прав собственности даже за частными лицами: все подвластно церкви, все принадлежит ей. Отныне большинство современников, пораженных чудовищностью притязаний, двуличной политикой и покровительством смуте, отшатнулось от папы. По словам одного из них “для всех было очевидно, что отлучение Генриха было следствием произвола, а не разумного размышления, делом ненависти, а не любви”. Иначе рассуждал сам Григорий. Он до такой степени уповал на помощь небесную и так глубоко верил в правоту своего дела, что ожидал чуда для устранения всяких сомнений и колебаний маловеров и на соборе громогласно заявил: “Если Генрих не умрет или не будет низложен к празднику апостолов, то не считайте меня папой и не верьте ни единому моему слову”. Весть о таком решении Григория возбудила надежды самых смертельных его врагов: ломбардские епископы соединились с горожанами Тосканы для нападения на Матильду; весь север полуострова объят был

неукротимым пожаром; страстная ненависть к Григорию нашла давно ожидаемый исход. Не одним мечом, но и пером опровергали и отражали итальянцы притязания папы на всесветное господство: появились сочинения, доказывающие, на основании св. писания и римского права, незаконность и преступность осуждения Генриха и требовавшие немедленного и строжайшего суда над “мятежным монахом”. В Германии Генрих также не потерял ни одного приверженца вследствие приговора Григория: и здесь успели привыкнуть к отлучениям и уже смеялись над ними.

Большинство немецких епископов прямо настаивало на неотложном избрании нового папы и объявило, что не станет повиноваться Григорию, “проклятому нарушителю божеских и человеческих законов”. Даже Дидрих вердгонский, один из достойнейших пастырей своего времени, резко осудивший вормский собор, теперь стал в ряды противников Гильдебранда, называющего, по словам почтенного епископа, клятвопреступление верностью, верность злодеянием, лгущего во всем и всюду противящегося истине, так как “отец его искони был лжецом”. Некоторые утверждали даже, что Григория нельзя считать христианином, потому что он виновен в пролитии крови, в гибели многих братьев во Христе, не признает святые дары истинным телом и кровью Христа, возмущает подданных, вопреки писанию, против государя.

При таком положении дел и состоянии умов Генриху легко было отвечать на удар ударом: следствием римского собора и низложения короля были собор в Бриксене и низложение папы. Григорий отдал корону Рудольфу, Генрих вручил тиару Виберту равенскому. Григорий отлучил сторонников Генриха, Виберт отлучил Рудольфа и его приверженцев. На сцену опять выступил Гуго Белый, опять выдал себя за уполномоченного римских кардиналов, как и в день избрания Григория, и обвинял теперь его во всевозможных злодеяниях, убийствах и отравлениях. На основании этих обвинений и всего поведения папы епископы низложили “наглейшего, – так называет его соборное постановление, – Гильдебранда, проповедника святотатств и пожаров, защитника клятвопреступлений и убийств, старинного ученика еретика Беренгара, поклонника сновидений и предзнаменований, явного заклинателя мертвых и духов”.

Таким образом, пророчество Григория на этот раз не исполнилось. Правда, папа прибегнул к уловкам для своего оправдания. Он стал говорить, будто имел в виду смерть духовную, не телесную: Генрих всеконечно умер для загробной жизни, посягнув на наместника апостолов. Однако понимая, что

пустыми словами и неудачными предсказаниями нельзя отклонить грозную опасность, Григорий немедленно же снял отлучение с Роберта Коварного, дал ему инвеституру на захваченные им имперские земли и даже обещал императорскую корону этому безродному баловню счастья, чем и понудил герцога норманнского принять обязательство защиты папы и владений св. Петра от любого противника. Такие же обещания Григорий взял с различных мелких духовных и светских владетелей нижней и средней Италии и во главе союзного войска хотел идти на “антихриста” (Виберт), не питая ни малейшего сомнения в удачном исходе замышляемого похода. Он упрямо уповал на помощь небесную и продолжал уверять, что в самом скором времени будет восстановлен мир и отступники понесут заслуженную кару. Собираясь самолично уничтожить Ви-берта, Григорий предписывал своим германским приверженцам дружным натиском покончить с Генрихом. Монахи и епископы были отправлены за Альпы с проповедью восстания против отлученного и низложенного короля. Со всех сторон хотел папа обрушиться на ненавистного Генриха; королям Англии, Дании, Польши, Венгрии, Богемскому герцогу писал он и призывал их на помощь св. Петру, но ни один не откликнулся на призыв, и зов Григория остался гласом вопиющего в пустыне. Даже итальянские союзники обманули его, и поход на Равенну не состоялся. Невзирая на все эти неудачи, Григорий продолжал поддерживать своих уже немногочисленных сторонников уверениями в близком торжестве св. Петра: папа говорил с амвона, что “не пройдет и года, как умрет незаконный король”. И он умер: в Германии произошло решительное столкновение, окончившееся поражением Генриха. Зато Рудольф купил победу ценой жизни (15 октября 1080 года). Он пал на поле битвы, причем у него была отрублена правая рука, та самая, которой он присягал когда-то своему законному государю. Современники усмотрели тут перст Божий; говорили, что предсказание Григория оправдалось, только не так, как он предполагал. Всюду толковали, что Господь отвернулся от “нечестивого властолюбца”. Лишь саксонцы да фанатики, привыкшие волю Рима считать своей собственной, упорно стояли “за осужденное Богом дело”. Многие из прежних врагов перешли под знамена Генриха, и он решился предпринять римский поход для фактического низложения Григория и принятия императорского венца из рук своего ставленника.

Глава VII. Последние превратности

Борьба за Рим. – Начало конца. – Шест и корона. – На волоске. – Подмога норманнов. – Разгром вечного города. – Бегство Григория в Салерно. – Новые замыслы. – Предсмертные распоряжения. – Кончина. – Канонизация

Вся Ломбардия встретила Генриха как повелителя. Он уже чувствовал корону цезарей на своей голове и с ничтожными силами отважно подступил к вечному городу, рассчитывая на римских баронов и ожидая встретить в Григории уныние и покорность. Но он жестоко ошибся. Ничто не могло сломить непреклонный дух папы, хотя неудачи градом сыпались на него: Матильду покинули ее вассалы, и она едва держалась в своей Каноссе; мелкие норманнские владетели захватывали церковные земли; Роберт Коварный, оправдывая свое прозвание, перешел во вражеский стан; приглашения папы на обычный собор остались почти без последствий. Тем не менее собор состоялся, и Григорий, казалось, объявил войну всему миру: новой анафемой поразил Генриха и его сторонников, отрешил всех неявившихся на последний собор, отлучил многих духовных и светских сановников почти всех европейских стран “за нерадение к выгодам св. Петра”.

Уже Генрих был под воротами Рима, уже окружающие папу советовали ему или бежать, или покориться, а Григорий просил немцев помочь стесненной Матильде и избрать нового короля, требуя от будущего избранника ленной присяги св. Петру по прилагаемому к увещаниям образцу. Себя же считал в безопасности, опираясь на преданность большинства римлян и созданной им милиции св. Петра, которая даже горела желаньем доказать на деле свою боевую готовность. Кроме того, крепкие стены с множеством башен опоясывали Рим. Все это заставляло папу, по его собственному выражению, “презирать все угрозы Генриха”. Король, с ничтожными силами подступивший к Риму, наткнулся на нежданное сопротивление. Римляне остались глухи к его просьбам и увещаниям; городские ворота оказались запертыми; приходилось силой отворить их, но войск не хватало.

Упрямый Генрих хотел совершить обряд коронования, так как, в свою очередь предсказывал, что до Троицы сделается римским императором. В угоду ему и для исполнения предсказания коронование состоялось, но в самой жалкой обстановке: Латеран и храм св. Петра заменили две походные палатки. Вскоре после этой проделки начались обычные лихорадки, которые значительно уменьшили силы Генриха. Он

принужден был отступить. Следствием такой неудачи явилось избрание в Германии нового короля – Германа Люксембургского, который в короткое время причинил значительный ущерб приверженцам Генриха. Но Генрих не вернулся в Германию, а занялся борьбой с Матильдой и приготовлением к новому римскому походу. Матильда, обличенная в государственной измене, была лишена имперских ленов. Городам, входившим в состав ее владений, Генрих дал обширные права, чем и поставил их жителей в ряды своих верных сторонников. Но Матильда, опираясь на крепкие замки, удачно продолжала борьбу. Она служила оплотом и средоточием всех противников Генриха и сумела приобрести даже заморских союзников: брат Вильгельма Завоевателя стал снаряжать в Нормандии корабли и собирать войско для помощи угнетенной церкви. Однако Генрих успел вооружить значительное войско и снова подступил к Риму. Сначала он попытался привлечь на свою сторону население и издал манифест, где перечислял все вины Гильдебранда, изъявляя готовность сообща с римлянами дать церкви нового главу, утверждая, что ищет только справедливости. Но и это средство не подействовало: Григорий успел приковать к себе сердца римлян. Тогда Генрих решил приступить к правильной осаде. Римляне стойко выдерживали голод и отражали приступы. Осада затянулась. Тем не менее приближалось начало конца: средства папы все истощались, а надежды на помощь извне были разбиты. Роберт Коварный, которого Григорий заклинал помочь “святой матери”, не откликался: его занимала мысль покорить византийскую империю, и он вступил в борьбу с Алексеем Комненом. Сторонники Германа потерпели поражение в Германии и не могли подать папе просимую им руку помощи. Вильгельм Завоеватель засадил в тюрьму своего брата, собиравшегося, как известно, плыть в Италию для освобождения папы. В довершение несчастий даже деньги у Григория вышли: на соборе 1083 года (4 мая), состоявшем исключительно из римского духовенства и немногих беглых епископов, пришлось поднять вопрос, можно ли для продолжения борьбы отдавать в залог церковные сокровища. Собор ответил отрицательно, тем не менее преданная Матильда расплавила святые сосуды своей домашней церкви и отправила в Рим семьсот фунтов серебра и девять фунтов золота. Но и эти средства могли лишь отсрочить неизбежное падение. Уже под ударами судьбы пошатнулась верность римлян: три раза они отбивали приступы осаждающих, но потерпели значительный урон во время одной вылазки. Мужество пало; голод изнурял воинов; многие бежали; рвение к службе настолько ослабело, что не держали даже обычных

караулов. Пользуясь этим, Генрих внезапным нападением овладел частью Рима, расположенной на правом берегу Тибра. В его руки попал и храм св. Петра. Григорий заперся в знаменитом замке св. Ангела и не думал о покорности: он еще раз торжественно отлучил короля. Ответом послужило возведение Виберта на престол св. Петра. Изнуренные и обессиленные римские бароны вступили тогда в тайное соглашение с Генрихом, по которому король должен был немедленно отступить от вечного города, но возвратиться к назначенному сроку, когда либо Григорий возложит на него императорскую корону, либо римляне изберут нового папу, присягнув предварительно на верность Генриху. В знак непреложности договора были произнесены торжественные клятвы и выставлены заложники. Генрих удалился в Ломбардию для борьбы с Матильдой. Однако римляне заключением сделки хотели только выиграть время, а Григорий снова обратился за помощью к Роберту. Тот прислал тридцать тысяч червонцев и поспешил возвратиться в Италию, так как Алексей Комнен заключил с Генрихом договор, в силу которого последний обязался напасть на итальянские владения отважного норманна. В благодарность за эту помощь византийский император прислал богатые подарки, 144 тысячи динариев, обещая в близком будущем еще более значительные вспомоществования. В Риме началась теперь борьба норманнских червонцев с византийскими динариями: обе стороны стремились подкупить в свою пользу его население. Посреди общей тревоги и волнения Григорий внезапно дал событиям новое направление: папа стал призывать все западное духовенство на римский собор для рассмотрения дела Генриха. Многие подумали, что Григорий идет на уступку для достижения столь желанного успокоения бушующих страстей. Клюнийцы проповедовали примирение, и старый аббат Гуго склонил было Генриха не мешать съезду епископов. Однако призывные послания Григория показали, что он желает воспользоваться собором только для того, чтобы поднять весь мир на своих противников и не думает уступать ни единой пяди своих притязаний. Тогда Генрих стал перехватывать едущих в Рим врагов своего дела, и на призыв папы смогло явиться только духовенство нижней Италии и несколько французских епископов. Несмотря на малочисленность прибывших, Григорий открыл соборные заседания глубоко прочувствованной речью, где говорил об истинной вере, о христианском образе жизни, о верности святой церкви и постоянстве, которые должны обнаружить все христиане в столь трудные времена. Речь сильно потрясла присутствующих; многие плакали навзрыд, сравнивая жалкую действительность с заветами

Бога. Но страх перед сильными мира до такой степени овладел умами, что собор воспротивился торжественному отлучению Генриха. Папа все-таки произнес над ним анафему, не называя его по имени.

Узнав о соборном решении, Генрих снова явился с войском перед Римом и потребовал исполнения тайного договора – императорской короны или от Григория, или от другого папы. Клирики и миряне стали осаждать Григория просьбами об уступчивости: падая к его ногам, молили они спасти город, стоящий на краю гибели. Измученный этим раздирающим душу зрелищем папа изъявил готовность короновать своего противника, если тот всенародно принесет покаяние и попросит о снятии отлучения. В противном случае он удостоится не венца императорского, а вечного проклятия. Впрочем, Григорий не льстил себя надеждой, что король подчинится этим условиям, и предложил еще один исход: Генрих подойдет к стенам замка св. Ангела, а папа опустит ему на шесте императорскую корону. Римляне довели до сведения короля предложения папы. Генрих объявил, что усматривает в них насмешку, и требовал немедленного исполнения клятвенного договора. Римляне, по совету Григория, отвечали, что сам король не желает получить от папы диадему, а потому они свободны от всяких обязательств. Изворотливость Григория на этот раз выручила его из беды, но ненадолго. Приближалась новая опасность: Генрих опять осадил Рим, получив из Византии денежное подкрепление. Золотом и мечом укрощал теперь раздраженный вероломством король рвение римлян. Ни просьбы, ни угрозы их не действовали на папу, не склоняли его к примирению, тем более к сдаче. Эта железная непреклонность уже стала раздражать население. Нашлись и изменники: Генриху вскоре отворили ворота св. Иоанна, и он завладел Латераном. Народ с громким ликованием приветствовал вступление короля, усматривая в близком будущем полное прекращение ненавистной и тяжелой войны. Только в немногих крепких башнях и зданиях, уцелевших от античного Рима, держались сторонники папы. Король решил ускорить течение событий: по его приказанию был созван собор, на который Григория трижды приглашали явиться для личного оправдания перед судом королевским. Понятно, папа не явился. Тогда над ним заочно произнесли анафему в храме св. Петра и торжественно низложили, а римляне подали свои голоса в пользу Виберта, который и был посвящен в сан наместника апостолов под именем Климента III. Через неделю (1084 года 31 марта) новый первосвященник возложил на Генриха и его верную Берту императорский венец. Хотя рьяные григорианцы отрицали

законность этого посвящения и коронования, однако римляне спешили доказать свою преданность новым повелителям: они отняли у сторонников Григория все их твердыни заисключением замка св. Ангела и еще одной древней постройки, отстаиваемой родственником папы. Все атаки немцев и римлян на замок св. Ангела были отбиты, нападавшие понесли большие потери. Тогда последний оплот Григория был окружен стеной и отрезан от остального мира. Жизнь осажденных висела на волоске; в их сердцах чуть теплилась надежда на помощь Роберта Коварного. Одному из клириков, разделявших с папой ужасы осады, удалось проскользнуть из замка св. Ангела к норманнскому герцогу и описать безотрадное положение Григория в таких ярких красках, что Роберт немедленно поспал на выручку папы многочисленное войско из норманнов, южных итальянцев и сицилийских арабов: неверные, враги Христа и отлученные отстаивали теперь наместника св. Петра. Весть о сильных вооружениях Роберта побудила императора отступить для собрания войск и возложить продолжение осады на римлян. Едва могущественный вассал св. Петра подступил со своим сбродом к стенам Рима, как измена открыла ему ворота и в самое короткое время повергла противников к его победоносным стопам. Папа покинул свое убежище и перешел в норманнский стан. Тем временем несчастный Рим был отдан за свою измену на разграбление диким наемным толпам. Вдобавок в разгар грабежа был убит один норманн, и Роберт справил ему кровавую тризну: многие здания – наследие классической древности – были разрушены; церкви, основанные первыми христианами, обращены в пепел; тысячи жилых строений преданы пламени; множество граждан убито. Грубые шайки наемников вели себя, как свирепые звери; женщины и девушки были для них игрушкой и потехой; отцы, мужья и братья гибли в адских муках. Повсюду слышались стоны. Громадное количество уцелевшего при разгроме населения было захвачено в плен и продано в рабство сарацинским купцам. Мрачные думы терзали Григория при виде всех этих ужасов, проклятия, сыпавшиеся на его голову за призыв норманнов, звучали в ушах. Но папа считал разрушение Рима справедливой карой за измену его жителей: он привел город к возрождению от ига баронов, он же и уничтожил посеянное и взлелеянное благосостояние. Стало быть, восторжествовала одна предвечная правда. Иного взгляда придерживались римляне: их преданность императору пустила глубокие корни за эти кровавые дни. Дальнейшее пребывание Григория в Риме сделалось невозможным: только под охраной норманнских копий он мог чувствовать себя огражденным от злобы римлян и надвигающихся

сил Генриха. Папа как жалкий беглец принужден был следовать за Робертом, которого столько раз громил отлучениями. Горсть верных разделила участь своего главы и пошла вместе с ним в изгнание.

Сначала Григорий приютился у Дезидерия Монтекассинского, давно уже порицавшего непреклонность и жестокость папы. Хотя ему был оказан самый радушный прием, Григорий вскоре удалился в Салерно, не желая читать затаенную радость в глазах своего хозяина. Тем временем Климент III утвердился в Риме, куда Григорию не суждено было возвратиться. Но он и в Салерно остался таким же железным человеком, каким был в Риме. На созванном соборе он опять предал анафеме Генриха и Виберта, опять разослал по всему миру легатов для воодушевления старых друзей и приобретения новых. В последнем вышедшем из-под его пера окружном послании “ко всем верным во Христе, любящим апостольский престол”, Григорий выражал свои дальнейшие намерения и свое настроение.

Здесь он с силой восставал против угнетенного положения “святой церкви, невесты Христовой, которая не может сама избрать себе жениха, тогда как даже простолюдинки вольны отдать свою руку кому угодно. Еретики, прелюбодеи и угодники сильных разоряют церковь, занимая должности пастырей. Исполняя долг свой, кричу, кричу и кричу, возвещая вам: христианская религия и истинная вера, которой научил чрез Отца Сын Божий, сошедший с небеси, вполне превратилась в светские обычаи и почти уничтожена. Она утратила свой прежний блеск и служит предметом издевательств и насмешек не только дьявола, но и евреев, сарацин и язычников. Они исполняют законы своей веры, хотя она и не принесет им вечного блаженства и не подтверждена божественными знамениями. Мы, плененные мирским честолюбием и суетными страстями, жертвуем верой и честным именем произволу желаний и высокомерию и живем в беззаконии как глупцы, ибо не имеем утех и чести ни в этой, ни в будущей жизни и не надеемся на них так, как следует. Есть люди богобоязненные, но их очень немного, да и эти немногие заботятся только о своей душе, не об общем благе своих братии. Кто приложит душу и силы свои из страха или любви к Богу, в коем мы живем, движемся и существуем? А это делают воины мирские для своих владык, даже для друзей и подчиненных. Многие тысячи идут ежедневно на смерть за временных властителей; из-за Царя же Небесного и нашего Спасителя не только не идут на смерть, но и стыдятся навлечь на себя малейшее недовольство людское. И если есть незначительная горсть людей, по Божьему милосердию стремящихся из любви к

заповедям Бога противодействовать нечестивым до последнего дыхания, братья не только не поддерживают их достойным образом, но даже считают их неразумными, неосторожными безумцами! И мы, исполняя свой долг, стремились, чтоб святая церковь, Божия невеста, госпожа и мать наша, оставалась чистой, свободной и неприкосновенно-православной. Это раздражило исконного врага. Он вооружил против Христа, Сына всемогущего Бога, и его апостола Петра чад своих с целью искоренить веру христианскую и водворить на ее месте ересь, что не слыхано с самых времен императора Константина.

Да и немудрено: чем ближе подходит время антихриста, тем более, как известно, будет угасать вера христианская. Ныне, братья возлюбленнейшие, выслушайте внимательно слова мои. Все, кто только носит на земле имя христианина и знает истинную веру Христову, ведают и верят, что блаженный Петр – князь апостолов, отец всех христиан и первый, по Христе, пастырь, а святая римская церковь – мать и наставница всех церквей. Если вы только верите и твердо придерживаетесь этого взгляда, то прошу и приказываю вам, во имя всемогущего Бога, помогите со всем старанием вашему отцу и вашей матери, если желаете получить от них прощение всех грехов, благословение и милость в этой жизни и в будущей".

Этим посланием Григорий думал расшевелить угасающую преданность его делу, собрать со всего Запада военные отряды и идти на освобождение Рима. Для этой же цели папские легаты должны были взимать "динарий св. Петра" со всех верных, особенно во Франции и Саксонии. Но заботы и треволнения последних лет потрясли здоровье престарелого папы, и он сам уже сознавал, что конец близок; за несколько месяцев он предсказал свою скорую смерть, назначив 25 мая своим последним днем и определив даже час своей кончины. Старческий недуг быстро уносил жизненные силы, и Григорий надеялся на близкое освобождение. Наконец настал роковой день. Папа отправился в церковь, принял причастие и произнес к собравшемуся народу прощальную речь о св. Теле Господнем и о цели своих стремлений. Затем поручил раздать бедным ничтожные остатки своих богатств и, направившись в свое жилище, ожидал там давно желанную гостью. Уже охваченный смертельным холодом и предчувствуя близкую кончину, Григорий послал за близкими людьми, приютившимися по соседству. Они поспешили на зов. Папа попросил их указать ему его прегрешения, чтобы иметь возможность совершить покаяние. В ответ раздались дружные восхваления его жизни и начинаний. "Братья возлюбленнейшие, – сказал тогда умирающий, – я придаю

мало значения всем своим трудам, уповая лишь на то, что всегда любил справедливость и ненавидел беззаконие". На эти слова присутствующие отвечали жалобами и опасениями за свое будущее после смерти их главы. Григорий слышал эти сетования, воздел слабеющие руки к небу и, утешая окружающих, произнес: "Я иду туда и настойчивыми молениями обращу на вас взоры милосердного Бога".

Мысль о близкой утрате вождя все-таки тревожила друзей его, и они начали толковать, кто поведет дальше почти проигранное дело. Опять обратились за советом к Григорию, и он на вопрос, кого желает иметь своим преемником, назвал трех из вернейших своих сторонников, просил избранному дать имя Виктора (победитель), как бы желая показать твердую веру в победу своего дела, и от имени всемогущего Бога, и в силу полномочий св. апостолов Петра и Павла заклинал признать римским первосвященником только лицо, канонически избранное и посвященное. Видя, что силы Григория слабеют с каждым мгновеньем, окружающие хотели узнать, не сделает ли он каких-либо распоряжений относительно отлученных. Папа отвечал: "Разрешаю всех, за исключением Генриха, называющего себя королем, Виберта, присвоившего себе апостольский престол, и важнейших их приверженцев. Всем же верующим, что я имею власть по доверенности св. апостолов Петра и Павла, даю свое благословение".

Эти расспросы истощили измученного старца; он видимо угасал, и когда грозный призрак смерти предстал пред ним, у Григория вырвался предсмертный вопль. Он произнес свои последние бессмертные слова: "Я любил справедливость и ненавидел неправду, и за это умираю в изгнании". "Ты не можешь, папа, – возразил один кардинал, – умереть в изгнании, потому что получил от Христа и апостолов все народы в наследие и даже окраины земли во владение". Но Григорий не слышал этих ободряющих слов: великая душа уже покинула юдоль плача и стенаний.

Так окончил 25 мая 1085 года свою многотрудную жизнь Григорий VII. Долго искренность и чистоту его намерений не сознавали даже продолжатели его дела, папы XII и XIII столетий, впрочем, шедшие только к мировому господству ради господства, долго только в Салерно чтили его как святого мученика и исповедника. Лишь в 1609 году его останки перенесены были из небольшого склепа в Салернский собор, и папа Григорий XIII, глубокий его почитатель, назначил 25 мая праздником в честь нового святого. Но только в 1728 году папа Бенедикт XIII объявил, что весь христианский мир должен чтить день, посвященный

памяти Григория VII. Немедленно же во Франции, Неаполе и Бельгии поднялось волнение: парламент и епископы запретили исполнять предписание Бенедикта. В Германии князья не хотели и слышать о нововведении: снова появились мелкие сочинения, преследующие с пламенной ненавистью великого мученика идеи, не нашедшего успокоения даже в могиле. И в наше время нередко тревожат злыми наветами его прах.

Заключение

Строго говоря, Григорий VII не внес в мир ничего нового, им самим созданного: идеалы, его воспламенявшие, назревали, как известно, веками, и он сделал только наиболее решительную попытку к их воплощению. Тем не менее мировое значение его миссии чрезвычайно велико. Он принадлежит к тем гениям, которые дают направление колеблющимся тысячам и направляют умы в ту или другую сторону. Своей мирообъемлющей деятельностью он определил все дальнейшее течение истории папства и тесно связанное с ней развитие Запада. Он оставил своим преемникам завет – добиваться господства над миром ради спасения человечества, и создал церковно-политическую систему, представлявшую собой удивительное смешение начал ветхозаветной теократии и идей, выработанных древнеримским императорством. Только впоследствии несколько родственный ему гений Иннокентия III обнял и завершил ее. Правда, последовала упорная борьба, видоизменяясь, дожившая до наших дней. Сначала папство победило, но ненадолго: окрепнувшее чувство свободы, дух исследования, пробужденные гулом этой борьбы, стряхнули тяжелые путы, наложенные на народы железной рукой Григория и продолжателей его дела. Свобода совести восстала против гнета закованных в тесные рамы доктрин; права личности, порабощенной и поглощенной в теократии, взлелеянной Григорием, занимают с течением времени первое место. Эти два руководящие начала делают невозможным осуществление идей великого папы или извращают их. Безбрачие повело к тайному разврату; симония процветала под другим именем; устранение светской власти от замещения духовных должностей и апостольского престола вызвало упадок духовенства: место прежних иногда очень образованных и вообще не чуждых просвещению пастырей заняли дикие невежественные монахи; поток грубейшего суеверия надолго наводнил Европу; на освобожденном от ига императоров престоле римских епископов появляются избранные кардиналами такие чудовища разврата, как Иоанн XXIII и Александр IV. Стало быть, преобразования Гильдебранда не спасли церковь вместе с человечеством и сделали неизбежным появление обновителей вроде Арнольда Брешианского, Бруно, Гуса, Савонаролы, Лютера, реформа которого была вызвана преобразованиями Григория. Да и светская власть отомстила за попрание своих прав авиньонским пленением пап. Кроме того, запрещение светской инвеституры обусловило в отдаленном будущем полное отчуждение от церкви

ее имуществ и прекращение светской власти пап. Но и теперь папство не отказалось от своих притязаний: в последние годы оно мечтает завладеть обновленным миром при помощи славянства, которое еще Григорий, в своих, конечно, видах, спасал от объединяющих и поглощающих стремлений немецкого императорства. Не в одних только отношениях к славянским народам Григорий предугадывал, так сказать, будущее направление исторической жизни. Он всюду шел за духом времени: начал борьбу за освобождение от неверных Испании, толковал о крестовом походе на турок и соединении церквей; наконец, только в наши дни (на ватиканском соборе 1870 года) провозглашены догматы о папской непогрешимости и о непорочном зачатии св. Девы, которые проводил Григорий в своих письмах. Сама неудача его в высшей степени поучительна, как непреложное доказательство неосуществимости мечтаний об объединении человечества. Даже на почве религии ему не удалось воплотить идею всесветной державы: коренные свойства человеческой природы и сила вещей победили гения. Но влиянием на ход исторического развития не исчерпывается все значение жизни и деятельности Григория VII. Он представляет собой высокий образец человека идеи, глубоко верящего в то, что он делал и говорил. Правда, средства его зачастую были весьма непохвальны, но они вытекали из состояния общества, обусловливались духом времени.

Сверх того, он никогда не считал их безукоризненными, казнился и мучился, жертвовал собой для торжества того, что считал истиной, асознательное и искреннее самопожертвование, хотя бы проистекающее из заблуждения, служит признаком благородной и высокой души. Природа человека полна противоречий, природа гения – в особенности. И в Григории жили рядом непримиримые крайности: искусный политик, неустанный деятель, воин в душе, царь по призванию, он на высоте апостольского престола вздыхал о монастырской келье, об отречении от греховного мира. Мягкий и кроткий, он плакал, утешая друзей в несчастьях, от умиленья не мог без слез совершать богослужения. Зато как часто бывал он не в меру жесток и суров! Впрочем, он обыкновенно миловал и прощал личных врагов, не зная лишь пощады для “противников св. Петра и римской церкви”. Немногие, как Дамиани, правильно ценили Григория, называя его “святым сатаною”, “враждебным другом”, указывая тем самым на противоречия его природы. Действительно, он умел как бы волшебством приковывать к себе сердца окружающих, но они из безусловных почитателей нередко становились его озлобленнейшими врагами. Так отпали от него

Дамиани, Дезидерий, клюнийцы... Подвергая осуждению симонистов и нарушителей канонов, он необыкновенно быстро делал их доверенными лицами, если замечал их способности и пригодность к делу, чем вводил многих в соблазн. Зато не щадил людей прежде близких, но попавших в немилость: даже после смерти он не давал им прощения. Он вообще питал пристрастие к мужественным и твердым людям и прощал им непокорность и даже преступления: так щадил он Вильгельма Завоевателя; присудил одного убийцу к отсечению правой руки, но отменил наказание, когда преступник смело положил руку под сверкающий топор. Он не гнушается близких связей с иудеями и в то же время строго-настрого проповедует нетерпимость по отношению к ним: “Подчинять христиан евреям, – пишет Григорий, – равносильно угнетению церкви Христовой, возвышению сатанинской синагоги”. Стало быть, израильский Бог был в его глазах сатаною, а мусульманский, как известно, истинным Богом. Наряду с подобным свободомыслием он верил в свое божественное призвание, в свое непосредственное общение с небом, в видения св. Марии и св. Петра, в свой дар пророчества, а иногда впадал в отчаяние, желая смерти, сомневался в своем спасении. Он постоянно толковал об исконной греховности человеческой природы, но думал, что тот же человек делается святым и непогрешимым, раз вступит на апостольский престол. Верховный служитель христианского Бога, он уподобляет себя императору языческого Рима, бывшему и светским владыкой, и великим жрецом, ставит в связь римскую церковь с римской республикой. Он, как папа, называет себя в письмах “рабом рабов божьих”, а апостола Петра считает “императором и властелином всей земли” и в то же время вполне отождествляет себя с “князем апостолов”. Отождествляя себя с апостолом Петром, неоднократно возвещая, что св. Дух глаголет его устами, Григорий вместо любви и прощения, заветов Богочеловека проповедовал убийства, пожары и грабежи и не замечал этого страшного, бьющего в глаза противоречия. Чем шире открывалось поле деятельности, тем сильнее жаждал он своего торжества и становился непреодолимо упорным. Стойкий, непоколебимый, он иногда делал вид, что идет на уступки, хитрил, позволял себе двуличничать, чем ускорил и обусловил свое падение, подверг себя заслуженным укоризнам.

Первоисточники и пособия

Источники

1. Monumenta Germania historica scriptorum. T. 5 – 12; 20. Leges 2.

2. Bibliotheca rerum Germanicarum, editio Jaffe. T. 2 и 5.

3. Pontificum romanorum vitae edidit Watterich. T. 1. 1862.

4. *Migne*. Cursus patrologiae completus. Series Latina. T. 140 – 148.

5. Libelli de lite imperatorum et Pontificum. T. 1. 1891.

Важнейшие пособия

1. *Stenzel.* Geschichte Deutschlands unter den Frankischen Kaisern. B. l и 2.1828.

2. *Gieseler.* Lehrbuch der Kirchengeschichte. B. 2. 1832.

3. *Voigt.* Hildebrand, als Papst Gregorius der Siebente und sein Zeitalter. 1846.

4. *Floto.* Kaiser Heinrich der Vierte und sein Zeitalter. 1856.

5. *Laurent.* La papaute et l'empire. 1860.

6. *Lanfrey.* Histoire politigue des papes. 1860.

7. *Gfrorer.* Papst Gregorius VII und sein Zeitalter. B. 1 – 7. 1859 – 1861.

8. *Надлер.* Адальберт Бременский, правитель Германии в молодые годы Генриха IV. 1867.

9. *Baxmann.* Die Politik der Papste von Gregor I bis Gregor VII. II Theil 1869.

10. *Villemain.* Histore de Gregoire VII. l et 2 vols. 1873.

11. *Gregorovius.* Geschichte der Stadt Rom im Mittelalter. B. 4. 1876.

12. *Hefele.* Conciliengeschichte. B. 4 и 5. 1879 – 1886.

13. *L. von Ranke.* Weltgeschichte. B. 7. 1886.

14. *L'abbe Delasc.* Saint Gregoire VII. 1 – 3 vols. 1889.

15. *Giesebrecht.* Geschichte der deutschen Kaiserzeit. B. 2 и 3. 1885 – 1890.

16. *Meyer v. Knonau.* Jahrbucher d. deutschen Reichs u. Heinrich IV. B. 1. 1890.

Помимо этих основных трудов были приняты во внимание второстепенные сочинения, диссертации, статьи и заметки, помещенные в различных заграничных журналах.

notes

Примечания

1

неустройство дел, беспорядок *(словарь В. Даля)*.